

ОТБЛЕСКИ ЭТЕРНЫ

КРАСНОЕ
НА КРАСНОМ

ОТ ВОЙНЫ
ДО ВОЙНЫ

ЛИЦ
ПОБЕДЫ

ИЗ ГЛУБИН

ВЕРА КАМША

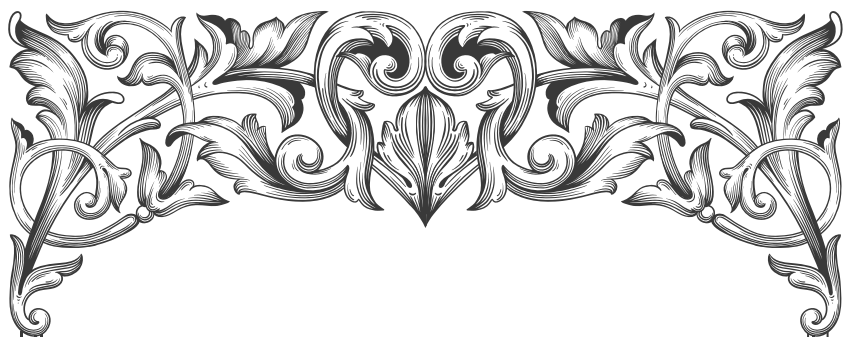
ИЗ ГЛУБИН

МОСКВА
2023

Автор благодарит за оказанную помощь

Александра Бурдакова, Ирину Гейнц, Александра Гинзбурга, Александра Зелендинова, Марину Ивановскую, Дмитрия Касперовича, Александра Куцаева, Кирилла Назаренко, Даниила Мелинца, Юрия Нерсесова, Александру Павлову, Елену Цыганову, Артема Хачатурянца, Игоря Шауба, Татьяну Щапову

—•••••
ИЗБРАННЫЕ МЕСТА¹ ИЗ ДНЕВНИКА
ЖЕРАРА ШАБЛИ,
МАГИСТРА ОПИСАТЕЛЬНЫХ НАУК,
МЛАДШЕГО МЕНТОРА КОРОЛЕВСКОЙ
ШКОЛЫ ОРУЖЕНОСЦЕВ
389—391 гг. круга Скал
—•••••

¹ Рукопись, прежде известная узкому кругу лиц, как «Записки мэтра Шабли», представляет собой довольно любопытный

документ времен царствования Фердинанда Второго Оллара и состоит из девяти тетрадей, помеченных гальтарскими цифрами от 5 до 13 — очевидно, существовали ещё четыре, ныне утраченные. При этом сколь-либо интересные широкой публике сведения содержат лишь тетради 5, 6, 10 и начало 11-й. Тетради однотипные, но не одинаковые: надо понимать, что, заполнив очередную из них, автор приобретал следующую, по возможности похожую на предыдущую. Это достаточно толстые тетради хорошей желтоватой бумаги, в твердых переплетах, некогда обтянутых бархатом темных тонов. На двух из них сохранились латунные петельки, свидетельствующие, что они могли запирались на миниатюрный висячий замочек, призванный уберечь их содержание от чужого любопытства. Отметим, что сперва мэтр Шабли вел свои записи на талиг, однако в конце девятой тетради счел нужным перейти на гальтарику. Начало первой из уцелевших тетрадей (помеченной «пятеркой») исполнено достаточно стойкими чёрными чернилами, однако после переезда автора в Лаик цвет чернил меняется, и они обретают характерный фиолетовый оттенок, хорошо известный исследователям казенных бумаг того времени. Очевидно, получив доступ к казенной чернильнице, автор перестал пополнять собственные запасы, и это печально, ибо новые чернила оказались куда менее стойкими и плохо выдержали проверку временем — картина, опять же, хорошо знакомая завсегдатаям архивов. Положение усугубилось тем, что в какой-то момент тетрадам явно случилось отсыреть, если не промокнуть, из-за чего часть записей оказалась размытой, к тому же на бумаге развилась агрессивная черная плесень. Когда бумага просохла вновь, плесень погибла, однако многие страницы оказались испорчены достаточно серьезно, так что от части записей до нас дошли лишь фрагменты слов и предложений. К счастью, потери оказались не критичными в том смысле, что, уничтожив множество подробностей, они все же не мешают следить за ходом описываемых событий. Поскольку данная публикация имеет скорее популярный характер, и ее предполагаемый читатель вряд ли стал бы разбирать подобные головоломки, не поддающиеся расшифровке фрагменты были опущены, как и многочисленные пространные отступления на философские и литературные темы. Все лакуны в публикуемом тексте помечены звездочками. Публикатор полагает эти записки имеющими определенную ценность, и надеется, что уважаемые читатели разделят его точку зрения, отнесясь при этом критически к ряду выводов и утверждений, которые делает автор рукописи.

I

ТАЛИГ. САБВЕ

16-й день месяца Зимних Волн 389 года круга Скал

Итак, все прояснилось раз и навсегда. Безродный ученый не смеет претендовать на родство с господином ректором, ведь единственная дочь одного ректора просто обязана стать баронессой. Я видел жениха: тупое и вульгарное животное при всей своей смазливости. Господин барон фок Хелльвальд будут изменять супруге со служанками, трясти оружием, вонять вином и конским потом, но какое это имеет значение, если он богат и титулован?! Белая кость, голубая кровь, владения в Ноймаринен и родство с графами Гогенло-э-цур-что-то-там-еще. Смею ли я удивляться, что изысканная Органс вручает этому совершенству свою ручку, а ее маменька плачет от умиления. Мало того, господин барон соизволят сочетаться законным браком одновременно с его величеством! Надо думать, сия блистательная возможность и подтолкнула доблестного воителя к объяснению. «Когда мы с королем женились»... Ради возможности раз за разом повторять эту фразу стоит поторопиться.

Балы, представления, истребление ни в чем не повинных лесных тварей — наше дворянство так охоче до пожирающих золото пустых забав, и это когда ученый видит мясо лишь по праздникам и годами ходит в одних башмаках. Разумеется, го-

спод академиков, ректоров и деканов сие не касается — в их корыто корона исправно сыплет таллы, но дочерям столпов науки нужны титулы, а сами они желают сидеть за одним столом с полуграмотными бездельниками, чьи предки в свое время догадались ограбить тех, кто не сподобился махать мечом.

Свадьба, разумеется, состоится в Олларии, где у родичей жениха имеется собственный особняк и где можно смешаться со съехавшейся на королевское бракосочетание толпой. Поди разбери потом, кого из разряженных господ пустили во дворец, а кого — нет. «Нашему браку ровно столько же, сколько королевскому. Ах, это был незабываемый день...» Жених вряд ли понимает всю пошлость подобных восторгов, но Ортанс? Ортанс, слушавшая сонеты Веннена и всхлипывавшая над судьбами Элкимены и Ровены! Я принимал эти слезки за чистую монету, хотя для того, чтобы оценить дочь, нужно смотреть на мать, а мать ужасна в своей лживой пошлости. В гальтарских комедиях героини путают плач подброшенного ребенка с кошачьими воплями, я же, напротив, принял кошачью душу за ангельскую и теперь жестоко, хоть и справедливо, наказан.

Ортанс краснела и лепетала о судьбе и воле папеньки. Если б только папеньки! В глазах, за которые я готов был тысячу тысяч раз умереть, да что там умереть, отказаться от того, что мне всего дороже — от моего призвания, читалось: я стану баронессой! Прав, тысячу раз прав Дидерих, сказавший, что *«тищеславье женское сильнее мужского, как лис сильнее убогого зайчонка»*. Что ж, невеста получит ко дню свадьбы достойный ее подарок, а у меня остаются моя наука и моя книга. Их у меня не отнимет никто. Увы, в последний год я забросил свои труды, поддавшись очарованию никчемного и пустого создания, зато теперь я знаю цену женскому сердцу и женскому разуму, если о таком вообще возможно говорить.

Избранные места из дневника Жерара Шабли...

* * * *

11-й день — Летних Ветров 389 года круга Скал

Я не суеверен, и это сберегло мне десяток таллов на свечи, которые поставил бы какой-нибудь ханжа в благодарность — нет, не за отпущение, пока лишь за его легкую тень. Свадьба перенесена, девица Дюмени все еще не баронесса и никому не ведомо, станет ли таковой вообще. Господин барон настолько верноподдан, что не станет брюхатить молодую супругу, когда король в трауре, ну а король не может жениться на покойнице. Хотел бы я знать, была ли смерть девицы Эпинэ случайной или королевская невеста от великого счастья наложила на себя руки, хотя что это я? Разумеется, она умерла потому, что принадлежала к изнеженной вырождающейся породе. Это лишь в трагедиях женщины предпочитают смерть титулу. Впрочем, предыдущая невеста, по слухам, все же не пожелала спать с Олларом. Варварство, которое великие поэты принимают за чистоту, в данном случае превозмогло и воспитание, и связанную с ним корысть. Итак, первая помолвка нашего обожаемого государя закончилась разрывом, вторая — смертью.

В сказке король женился бы лишь в четвертый раз, а его супругой оказалась бы закатная тварь. Впрочем, не на твари король жениться просто не может, и пусть его, главное, я получил отсрочку, которую использую с пользой. Мой свадебный дар, если, конечно, господин барон не увильнет, успеет обрести завершенность. Если же титулованный мерзавец найдет невесту получше дочери провинциального ректора, стрела все равно поразит цель, став напоминанием о разбитых надеждах. Это будет справедливо, ведь я до сих пор не смог вырвать из сердца опущенные глазки и писклявый голосок, хоть и делаю для этого все возможное.

В Гальтарях, которые неучи называют Гальтарой, шутили, что забываются лишь съеденные яства и выпитое вино. Если это так, мне предстоит помнить вечно, или же пока я не увижу Ортанс так, как увидел предмет своих бывших грез некий поэт, раскрыть инкогнито коего я сейчас стараюсь. Сомнений в том, что «Ода брюхатой Клариссе» написана относительно недавно

Вера Камша

и по следам личных переживаний, у меня нет. Как и в том, что отвергнутый поэт обладал определенным талантом, хоть и допустил в своем творении ряд грубейших ошибок. Видимо, это был разовый взрыв отчаяния, ибо больше этот человек о себе ничем не заявил. Еще один дар, загубленный кружевным мешком.

* * * *

2-й день месяца Зимних Волн 390 года круга Скал

Я никогда не был в восторге от ночных бдений с возлияниями, столь любимых большинством двуногих бесхвостых тварей, но отказаться от приглашения вернувшегося из Старой Тарники В. не мог. Мое отсутствие объяснили бы завистью, ведь В. моложе меня на два года и уже успел прыгнуть в старшие магистры. Глупцам не объяснишь, что на весах разума магистр изящной словесности перевесит не только старшего магистра, но и вице-академика, озабоченного бросанием камней, ломанием палок и прочими вещами, приличествующими каменотесам и плотникам, но не ученым. Не спорю, крыша над головой и устройства, перемалывающие зерно и отсчитывающие время, нужны всем, но зачем мешать приземленное с горним? Мастеровые достойны уважения больше сановных бездельников и тех, кто выбрал своим ремеслом убийство, но равнять их с мыслителями и созидателями нельзя, как нельзя равнять расписной горшок с полотном великого Коро. И раз уж мне вспомнился этот в кои-то веки признанный гений — всегда познавательно наблюдать, как телесная немощ способствует развитию ума, причем эта закономерность сохраняется даже в самых скверных фамилиях. Объявленный позднейшими лизоблюдами и мракобесами святым Эрнани понял, что не знавший своих родителей творец станет императору лучшим советчиком, нежели толпа безмозглых, как они тогда назывались, эориев, но я отвлекся от нашей якобы дружеской пирушки.

Кроме бумаги с болтающимся на черно-белой ленте куском сургуча, В. привез две небезынтересные сплетни. Безутешному королю нашли очередную невесту, ею оказалась

Избранные места из дневника Жерара Шабли...

молодая графиня Ариго, провинциальная, ничего собой не представляющая девица. Свадьба, если невеста не сбежит и не умрет, состоится летом. Тогда же прояснится, не передумал ли наш доблестный барон и не придется ли семейству Дюмени покидать предоставленный им университетом особняк. Да-да, в Старой Тарнике говорят о смене нашего ректора, как о чем-то почти решенном. Гости свежеиспеченного старшего магистра, однако, выразили по сему поводу недоверие, и немудрено — подобные разговоры всегда доходят до заинтересованных лиц. Господа съентифики наперебой выразили свою любовь к начальству и выпили как за его здоровье, так и за собственные успехи под столь мудрым управлением. Я не стал исключением, поскольку не желал подавать повод для доноса и оберегал будущий сюрприз.

В доме воспитавшего меня торговца полагали, что радоваться загодя — дурная примета, ведь вокруг нас кружит множество мелкой нечисти, которая так и норовит навредить. Стыдно признаться, но в детстве я этому верил, однако впоследствии убедился, что самая вредоносная нечисть — это сами людишки. Делиться с ними своими замыслами и чувствами опасно, к тому же привезенные В. новости слишком хороши, чтобы быть правдой. Сорвавшаяся свадьба, зашатавшееся кресло... Кто-то хочет превратить меня из безбожника в истово верующего. Не выйдет, слишком много вокруг несправедливости, а обратных примеров до смешного мало. Я буду приятно удивлен, если из двух возможностей осуществится хотя бы одна, и я бы предпочел первую. Увы, это означает, что я все еще во власти нелепого чувства, породившего тем не менее множество без преувеличения великих творений.

* * * *

6-й день месяца Летних Волн 390 года круга Скал

Свадьбы состоялись. Обе. Я по понятным причинам отсутствовал, однако мой подарок, надеюсь, доставил одной из невест достойное ее удовольствие. Увы, я могу об этом

лишь гадать и рассчитывать на глупость новоявленной баронской тещи, которая имеет обыкновение изводить тех, кто вынужден ее слушать, бесконечными разглагольствованиями. Я безропотно переносил этот словесный водопад почти четыре года, сперва во имя работы, потом ради еще не поблекшей копии рассказчицы. Когда госпожу ректоршу выставят из свежего супружеского гнездышка, она примется расписывать свою поездку и не сможет не упомянуть о некоем возмутительном происшествии, но пока вернулся лишь господин ректор. Выглядит он не лучшим образом, что неудивительно, ведь ему пришлось почти месяц вести себя, как подобает дворянину, то есть пить, жрать и засиживаться за полночь с себе подобными, обсуждая то, что у них принято именовать подвигами, а именно блуд, грабежи и убийства людей и животных. Господин ректор при всем его лицемерии, лизоблюдстве и равнодушии к тому, что составляет смысл жизни истинного ученого, все же привык к иному, но не перечесть же столь желанной новой родне! Если господин барон наливает, господин Дюмени будет пить, даже если это вызовет колики. Тем не менее он довольно ретиво принялся за университетские дела, так что разговоры о новом ректоре, как я и предполагал, оказались сплетней.

Завтра мне велено явиться к полуденной трапезе. Судя по отеческому тону, я вне подозрений, зато меня наверняка спросят о моей работе, которая за последний месяц так и не продвинулась. Как это ни прискорбно, мои мысли были в Оллари. Да, мне удалось извлечь из этого несколько строф и набросать план драмы, который, скажу без ложной скромности, снискал бы одобрение самого Лахузы, но по понятным причинам предъявить это я не смогу, впрочем, к моим услугам мое слабое здоровье. Будучи занят рождающейся трагедией и не горя желанием общаться с себе подобными, я уклонился от всех получаемых приглашений, теперь это нежелание станет моим алиби. Согласитесь, что лишь серьезно больной человек откажется от праздной болтовни за трактирным столом, я отказался, следовательно, я болен.

Избранные места из дневника Жерара Шабли...

* * * *

23-й день месяца Летних Волн 390 года круга Скал

Я полагал, что у меня остаются моя свобода и моя работа, а с течением времени появятся способные оторвать взгляд от кормушки ученики, и что же? Господин ректор предпринял попытку лишить меня всего этого. Доказательств у него нет и быть не может, но то ли он оказался догадливей, чем думалось, то ли вмешалась случайность из числа тех, что не предусмотрит никто. Как бы то ни было, господин Дюмени заподозрил, кто прислал новобрачным самку попугая, кричавшую лишь два слова «я — баронесса!». Нет, ректор не стал меня обвинять — он слишком хитер и осторожен. Мне просто предложили отправиться в пресловутую Лаик. Младшим ментором. Мне, одному из немногочисленных знатоков гальтарской поэзии и драмы в этом вырождающемся королевстве, навязывают недорослей, не знающих, куда впадает Рассанна и чем анапест отличается от амфибрахия! Признаться, я растерялся и не нашелся, что ответить, да этого и не требовалось. Мне предстояло не говорить, но слушать.

Оказалось, что господин ректор чувствует за меня ответственность, ведь я ученик его незабвенного друга, который, о чем мне не преминули напомнить, ходатайствовал о моем приглашении в Сабве. Еще бы, ведь Малая академия не для безродных приемышей, особенно если у них есть чувство собственного достоинства. Безродные приемыши должны быть безмерно счастливы, оказавшись в провинции в должности личного ученика и секретаря господина ректора, и упаси их Создатель поднять взгляд на дочь покровителя.

Господин Дюмени вещал, я сохранял приличествующее случаю внимание, пытаюсь подготовить ответ. Достойный, и все же не запирающий передо мной дверь в мою науку. Что поделывать, есть вещи, ради которых жертвуешь многим, а есть те, ради которых пойдешь на все. Первое для меня это самоуважение, второе — мое дело. Два года назад я бы отнес к первому еще и так называемую любовь, но, к счастью, теперь с этим покончено. Органс получила свой подарок, и я даже рад, что се-

Вера Камша

мейство Дюмени подозревает правду. Подозревает, но никогда в этом не признается, однако положение, в котором я оказался, не из простых. Моя диссертация не сделана и на треть, и чтобы ее довести до конца, мне нужно на что-то жить и иметь доступ в библиотеку, хотя бы такую, как в Сабве. И конечно же мне нужны время и спокойствие духа. Я не могу поселиться у своей названной сестры, потому что при этом лишусь необходимых книг, здоровье же не позволит мне взять классы первого курса, ведь лишенным родительского присмотра юнцам нужен не ментор, а солдафон, способный держать их в повиновении и при этом вбивать в не самые умные головы верноподданную ложь. Что до старших курсов, то их ведут старшие магистры. И неважно, что их работы лишены глубины и выполнены не ради науки, а ради вожделенного диплома, после обретения коего их можно употребить так, как в площадных комедиях употребляют поддельные завещания. Я к своим трудам отношусь иначе, но дуб растет медленней огурца.

Трудно описать состояние, в котором я ждал окончания ректорской речи, в конце которой мне сообщат, что мои услуги больше не требуются, однако судьба, словно в насмешку, не дала г-ну Дюмени дойти до финала. Слуга доложил о прибытии кого-то значительного, и мне было велено прийти утром. У меня впереди целая ночь, вполне можно написать канцону или набросать несколько страниц, но придумаю ли я ответ, который меня не унизит и при этом не зачеркнет возможность работы?

24-й день месяца Летних Волн 390 года круга Скал

Я воздержан в своих потребностях, а кревоугодие и пьянство вызывают у меня отвращение не меньшее, чем сластолюбие и тщеславие, однако сегодня я, уподобившись героям Иссерциала, устроил триумфальный пир. Мне не хватало лишь достойного собеседника, пред которым я прочел бы взволнованный монолог, но в Сабве нет ни достойных доверия, ни способных оценить изящество и стиль. Я почти уверен в честности двоих моих коллег, но они никогда не поймут скрытых

Избранные места из дневника Жерара Шабли...

отсылка, а названные имена для них звук пустой. К тому же почти полная уверенность все же допускает возможность ошибки, так что я промолчу и буду ждать. Год — это не так уж много, к тому же мне придется его потратить на диссертацию. Да, мне следует торопиться, что поделаеть, но путь от старшего магистра до вице-академика много дольше, чем от магистра до старшего магистра. Моя следующая работа будет доведена до совершенства, собственно говоря, она и станет первым настоящим итогом моих занятий.

Звания старшего магистра добиваются многие, и большинство не талантом и не умом, а тупым упорством. *«Упорный вол достигнет высоты, за шагом шаг одолевая гору»*. На гору можно подняться, но в небо лишь взлетают, это хорошая аллегория и отличная тема для поэтической притчи в среднегальтарском стиле. Пожалуй, я ее напишу и переведу на гальтарику. Когда мои высокоученые коллеги примутся наперебой обсуждать «доселе неизвестное творение древнего гения», я смогу посмеяться, но лишь дождавшись его включения в антологию Малой академии. Пока же мне предстоит заняться делами более неотложными и менее волнующими, а именно: подготовить к защите свою нынешнюю работу. Господин ректор не рискнул меня просто уволить и попытался прельстить Королевской школой унаров. Да, младший ментор там получает больше секретаря ректора провинциального университета — что говорит об истинном отношении короны к науке и тем, кто избирает эту стезю, — но по сути является прислужником высокородных неучей. Зачем мне это? После ухода ректора и защиты диссертации я получу второй или даже третий курс и смогу надеяться, что бросаемые мной зерна хотя бы частично упадут на достойную их почву, а не сгинут в дворянской грязи. Ах да, я забыл признать, что сплетники были правы, и господин ректор в самом деле уходит. Правда, не сразу, год он будет вводить в курс дел своего преемника, в прошлом — ректора Школы высших наук Северного Надора.

Насколько мне удалось выяснить, господин Шёнау — так его зовут — для своей новой должности непозволительно молод — сорок восемь лет, и прежде занимался математическими науками. На юге он будет чужим, более того, он будет чужим и в со-

Вера Камша

бранном пока еще не бывшим ректором сонмище старцев. И это не говоря о том, что несчастному придется столкнуться с материями, которые имеют место лишь в университетах.

Господин Дюмени полагает, что я вряд ли найду общий язык с Шёнау. А я полагаю, что меня желают убраться из Сабве, поскольку я не только могу помочь будущему ректору понять, чем университет, пусть и провинциальный, отличается от привычного ему сборища мастеровых, но и на протяжении пяти лет наблюдал семейство Дюмени и могу раскрыть некие неприглядные подробности. Со временем я так и поступлю, но сейчас мне придется сосредоточиться на работе. Впрочем, помочь непривычному человеку не задохнуться и не заблудиться в здешней трясине я смогу, тем более что наша кафедра изящной словесности вопиет о разделении на кафедру словесности как таковую, и гальтарскую кафедру, которой следует обзавестись дополнительной библиотекой.

* * * *

14-й день месяца Летних Молний 390 года круга Скал

Порой приходится признавать свои ошибки, и я их признаю. В надежде на лучшее — а надежда одно из самых вредоносных свойств человеческой натуры — я переоценил надорского ремесленника. Мало того, я переоценил и господина ректора, полагая, что он способен сопоставить изящество нанесенного свежеиспеченной баронессе оскорбления с моими чувствами. Похоже, господин Дюмени в самом деле несколько обеспокоен моей судьбой, но испытывать к нему признательность мне мешает то, что он по доброй воле и, очень похоже, небескорыстно, передает университет в лапы выкормыша небызвестного Манрика, которого волнует лишь прибыль. Условно говоря, он готов вытаптывать цветущие луга коровьими стадами и в благоуханных садах разводить червей, дабы откармливать ими нухутских петухов. Я мечтал о разделении кафедры изящной словесности. Я услышал о том, что словесность людям, занятым делом, вообще не нужна и является забавой

Избранные места из дневника Жерара Шабли...

дворян, которые вместо службы Талигу потекают своим извращенным — он так и сказал «извращенным» — прихотям. Если эти господа желают оплачивать увеселяющих их бездельников, пусть их, но господин Шёнау не намерен держать в университете нахлебников и отвлекать студентов от изучения столь любезной его покровителю прикладной скаредности.

Университет без словесности, без гармонии, даже без астрологии, университет, где землеописание будет подменено достойным крестьянина набором знаний о том, что можно продать и съесть, вот что ждет Сабве под началом Шёнау. И я думал быть полезным этому человеку, думал, что он здесь будет изгоем. Да изгоями станут несчастные старики, которых господин Дюмени бросает на произвол судьбы. Сам же господин вице-академик описательных наук сохраняет свою мантию и переезжает в Малую Академию, заодно получая возможность месяцами гостить у дочери-баронессы. Конечно, если она согласится держать при себе родителей, напоминающих о ее низком происхождении. Впрочем, если Манрик и впрямь купил у Дюмени его отставку, то у Дюмени будут деньги, и немалые, а золото барону всегда пригодится. У несчастного так много трат — придворные туалеты, лошади, любовницы, приемы, портреты, на которых петухов изображают павлинами, а брюкву — розами.

Древние поэты терялись, выбирая прекраснейшую, а я теряюсь, выбирая, кто омерзительней — тупой аристократ или продажный и корыстный съентифик. Мне хватило пяти часов в обществе самодовольного, лысого, румяного глупца и обеда с привезенными им помощниками, числом восемь, чтобы понять — спасти от них Сабве может лишь потоп или землетрясение. Небытие лучше превращения пусть и жалкого, но университета в смесь мануфактуры и ссудного дома.

Обо мне в моем присутствии не говорили, на это нагрывавших в Сабве торгашей все же хватило, но в их взглядах читалась: места в их школах *низшей* науки таким как я нет. А где есть? Я могу переехать к сестре и, опираясь на память, закончить свой труд, для защиты которого затем придется изыскивать средства, но где? Искать место в другом университете? Чужаков без средств и связей не ждут нигде, к тому же вошедший

в силу тессорий рассылает своих приказчиков по всему королевству. Выехать из Талига, не оплатив свои дипломы, я не могу. Когда-то право на стипендию от короны казалось мне благом, но на деле оказалось ловушкой. Моему приемному отцу было по силам оплатить мое обучение, мало того, он даже собирался это сделать, но я оказался слишком талантлив. Меня заметили и купили, а я этого не понял. В Талиге не следует ничего брать, подарков здесь не бывает, только приманки, и я вновь вынужден попасться. Я не сановный вор, не обдирающая арендаторов скотина и не жирный епископ. Бежать? Но разве я смогу бросить мои рукописи и мои книги?! Что ж, я поеду в Лаик и буду вколачивать в пустые головы азы стихосложения и землеописания, а меня за это станут кормить и платить жалованье. Больше, чем я имел в Сабве, но куда меньше, чем у законника или военного, но когда это в Талиге ум ценился выше пронырливости, а перо — дороже мушкета?

Завтра я пойду к еще не бывшему ректору и стану его благодарить за приглашение из Лаик. У этой конюшни для племенных жеребцов хотя бы есть два достоинства. Полгода она пустует, и менторы предоставлены сами себе, так что у меня будет время для работы. Кроме того, пока я нахожусь в стенах Лаик, мне не нужно платить ни за жилище, ни за стол, ни за одежду, хоть последнее и унизительно. Черно-белая верноподданность уродлива и лжива, однако деньги, которые ушли бы портному и сапожнику, можно откладывать, пока не наберется сумма, необходимая для защиты диссертации.

Есть и еще одно омерзительное, но порой способное принести пользу обстоятельство. Лизоблюдство наших академиков безгранично, а ментор из Лаик по определению знаком с множеством герцогских и графских отродий. Когда речь дойдет до обсуждения моей работы, титулы моих учеников падут на белую чашу весов¹, перевешивая и зависть, и глупость. Да, так бывает — зло уравновешивается злом и остается

¹ Отсыл к процедуре присуждения ученой степени. У входящего в специальную комнату для голосования два небольших шара, белый и чёрный. Один нужно пустить в желоб, ведущий к соответствующей чаше стоящих в зале Большого Совета весов, до окончания процедуры скрытых занавесом. Второй шар опускается в механизм учёта прого-

Избранные места из дневника Жерара Шабли...

главное, а главным будут мои изыскания, которые, я вижу это по тому, что уже написано, достойны, самое малое, мантии с Ветвью.

15-й день месяца Летних Молний 390 года круга Скал

Я могу быть горд, мне удалось пережить разговор с господином ректором, ничем себя не выдав. Дюмени ждал моего согласия и немедленно принялся меня одобрять. Начал он с того, что вручил мне письмо от счастливой, не сомневаюсь, что это счастье продлится до первой измены, Ортанс, которая надеется, что в Лаик я найду покой и что со временем она доверит мне своих отпрысков. Предполагалось, что я буду умилен и окрылен. Скрыть свое презрение мне, кажется, удалось, или же господин ректор принял его за иные чувства. Еще бы, великие поэты предписывают страдать вечно, но я не собираюсь рыдать над засушенными цветами. Я буду работать. Софимет начинал свой труд в тюрьме, а меня в кандалы все же не закуют, я даже смогу покидать свою тюрьму на полгода, если только найду куда.

Господин ректор улыбался, когда говорил, что не мог предложить столь замечательную вакансию женатому человеку, так как это потребовало бы длительных разлук с семейством, но поскольку я холост и в ближайшее время не намерен жениться... В ближайшее время?! Я никогда не женюсь, не утоплю свое призвание в ворохе женских юбок и чепцов, но отдавать лучшие годы юным мерзавцам?! К несчастью, у меня нет иного выхода, а старый лизоблюд никак не мог выговориться. Я узнал, что своим приглашением обязан батюшке пресловутого барона. Он, видите ли, находится в старой дружбе с нынешним капитаном Лаик, который, однако, приравнен к генералам и, сидя в тылу, получает ровно столько же, сколько швыряют тем, кто хотя бы иногда рискует жизнью. Менторов в Лаик подбирает капитан, неудивительно, что солдафон набирает неучей и глупцов. В прошлом выпуске какой-то недоросль, видимо, что-то все же читавший, понял, что описательные

лосовавших, тогда там флажок поднимется на одно деление к кворуму, и наблюдатели увидят, что второй шар погашен, а не отправлен на весы.

науки доверены полному невежде, и пожаловался родным. Те возмутились: как же, их чадам недодадено самого лучшего, и капитану Дювалю — мне придется затвердить это имя — было велено найти пристойных менторов. Дело, само собой, было ему не по силам, но на свадьбе он догадался обратиться к отцу жениха, а тот отослал несчастного к отцу невесты. Уже подумывавший об уходе господин ректор решил, что эта должность просто создана для меня. Мало того, он в своей щедрости и великодушии пошел еще дальше и пообещал мне всяческое содействие в защите диссертации, которую я, как он считает, напишу за три или четыре года. Я уложусь в два и обойдусь без его покровительства, но пусть это станет неожиданностью и для него, и для Ортанс, которая к этому времени наверняка оценит своего барона по заслугам.

На прощание господин ректор превзошел все мыслимые и немыслимые высоты. Он беспокоится о моем будущем, настолько беспокоится, что озаботился отправить меня к человеку, по доброй воле сделавшему то, на что меня вынуждают. Мне устроена встреча с господином Капоттой, в прошлом съинтификом и подававшим надежды поэтом, который потратил свою жизнь на обучение графских сыновей. По мнению Дюмени, я получу представление о будущих учениках, но я получу представление о том, до чего мог бы докатиться, если бы предал себя самого и свое дело. Это, несомненно, будет любопытный опыт, хотя по его итогам мое мнение о человечестве упадет еще ниже.

II

Талиг. Оллария

13-й день месяца Осенних Скал 390 года круга Скал

Я довольно долго выбирал между родней и гостиницей, выбрал первую и не ошибся. Признаться, я был приятно удивлен как оказанным мне приемом, так и своими чувствами. Занятно, но если телесная немочь у мужчины способствует развитию ума, то отсутствие утонченной красоты у женщины делает ее искренней и бескорыстней. Моя названная сестра всегда была крепкой, краснощекой и смешливой, замужество, причем на первый взгляд счастливое, эти ее свойства лишь усугубили. Николь невозможно посвящать стихи, о ней не станешь мечтать бессонными ночами, но ей можно доверять и рядом с ней обретаешь умиротворение.

В свое время моя приемная мать всерьез опасалась, что я соблазну одну из моих «сестер», потому-то меня и отправили в местный университет. На прощание Николь сшила мне две рубашки и, что гораздо важнее, сказала, что я с моим умом обязательно стану большим человеком. Смешно вспоминать, но меня это предсказание окрылило. Устроившись на новом месте, я начал ей писать и получал в ответ избыточные чудовищными ошибками, но полные доброты послания. Переписку не прервало даже замужество Николь, как считают в нашем городишке, очень выгодное. Моя громогласная румяная «сестра» очаровала столичного перчаточника, и он увез ее в Олларию.

Счастливое семейство обитает в небольшом двухэтажном домике возле Желтой площади и, кажется, процветает настолько, насколько у нас могут процветать ремесленники. Габриэль Форе заметно ниже супруги и довольно приятен, когда не пытается рассуждать о материях, превышающих его мыслительные возможности. Печально, что в моем присутствии он считает своим долгом заниматься именно этим. Я с ним не спорю. Сперва меня удерживала привязанность к Николь, но

затем я пришел к выводу, что сентенции перчаточника (разумеется, я изменю его род занятий) пригодятся для моей будущей трагедии.

Лахуза настаивает, и я с ним согласен, что в любой, даже самой мрачной, пьесе должен быть комический персонаж. Смешное и низкое подчеркивают трагическое и высокое, от сплошных ужасов публика слишком быстро устает, и развязка ее не потрясает так, как могла бы. Чтоб этого не произошло, зрителю требуется передышка, и рассуждающий о природе власти и служении отечеству ремесленник годится для этого просто изумительно. Бесподобный господин Форе полагает, что «знания полезны лишь тогда, когда они приносят пользу». Это прекрасно само по себе, но под пользой мой названный зять понимает «порядок в королевстве», а под «порядком» — положение, в котором богатые бездельники не реже, чем раз в полгода, заказывают парадные перчатки. Неудивительно, что королевская свадьба вызывала у сего замшевого философа восторг и умиление. Наука, искусство, свобода, собственное достоинство? Какие безделицы, главное, чтобы покупали перчатки!

Справедливость, однако, требует признать, что изделия мастера Форе хороши. Теперь и у меня есть синяя, шитая серебром пара, вышивала ее, к слову сказать, Николь по рисунку мужа. Будь ее воля, мне бы пришлось щеголять в незабудках и земляничках, но Габриэль настоял на строгом гальтарском орнаменте и моей монограмме, причем буквы переплетены на редкость искусно. Я невольно залюбовался и промешкал с благодарностью, и сестра немедленно заволновалась, что мне не нравится. Пришлось ее разуверять, что я и проделал совершенно искренне. Простых людей оценишь по достоинству, лишь прожив больше десяти лет среди лицемерия, но, как это ни печально, жить среди них постоянно, не будучи таким же, как они, истинная пытка.

Избранные места из дневника Жерара Шабли...

* * * *

17-й день месяца Осенних Скал 390 года круга Скал

Гораций Капотта обитает в окруженном небольшим садом с цветниками особняке неподалеку от Конских ворот. Размером прибежище удалившегося на покой графского ментора сопоставимо с обителью Форе, при этом они отличаются как Николь и Органс. Пожилой слуга уведомил, что хозяин меня скоро примет, и повел в дом мимо весьма недурных статуй в гальтарском стиле из числа тех, что десятками создавались полвека назад. Потом мода, как ей и положено, изменилась, и то, что прежде было по карману лишь избранным, стало доступно любому, кто готов оплатить скульптору хотя бы изведенный им мрамор.

Меня проводили в светлую просторную комнату, застеленную ковром и украшенную ткаными картинами с видами высокого белого замка и заросших цветущими маками полей, и предложили на выбор шадди или прохладительное. Я выбрал напиток из базилика с лимоном и позволил себе полистать лежащую на столе книгу, оказавшуюся почтенным астрологическим трактатом. Глупо, но настроение мое испортилось — ощущать себя лишенным чего-либо по чужой вине всегда унижительно, а подкидыш лишен гороскопа, ведь для разговора со звездами требуется знать время первого крика. Я с некоторой досадой закрыл творение Авессалома Кубмария, и почти сразу же вошел хозяин, оказавшийся высоким седым человеком с правильными чертами лица. Выглядел господин Капотта заметно моложе своих шестидесяти лет, что неудивительно, ведь он ни в чем не нуждался и вряд ли утруждал себя ежедневными занятиями.

— Меня предупреждали о вашем визите, — сообщил хозяин еще с порога. — Я рад выполнить просьбу старого знакомого и помочь одному из питомцев Сэц-Георга. Вам повезло обратиться на себя внимание такого человека.

Разумеется, я выразил благодарность. Владеть собой я выучился в раннем детстве, к тому же повода для возмущения не имелось, ведь Капотта всего лишь выказывал вежливость.

Добровольный затворник не мог знать, как я устал от упоминаний моего покойного куратора и рассуждений о том, как же мне повезло попасть к нему в ученики. Везенье это, к слову сказать, было весьма сомнительным. Да, Сэц-Георг считался светилом гальтарской словесности вполне заслуженно, и поучиться у него вполне было чему, но как человек он порой становился невыносим. Самодур и деспот, господин академик не считал нужным обращать внимание на душевное состояние окружающих, а тем более — зависимых от него людей. В один прекрасный день ему взбрело в голову, что я могу — а стало быть, обязан! — закончить свою магистерскую диссертацию к ближайшему Зимнему Излому, словно это некий мистический порог, а не условная дата, придуманная для удобства летоисчисления и обвешанная потребными для чревоугодия обычаями и суевериями. И понеслось! Каторжники в своих каменоломнях чувствуют себя вольготнее, чем чувствовал себя я. Мне и сейчас слышится раздраженный, каркающий голос:

- «Я думал, ты тут, чтобы писать диссертацию...»
- «Встанешь, когда допишешь!»
- «Сначала мантию получи — а уж тогда витай в облаках!»
- «Этот кусок нужно переписать!»
- «Я сказал — переписать, а не исправить два слова!»
- «Что значит — *уже* в четвёртый раз?! *Всего лишь* в четвёртый!..»

И после всего этого господин съентифик объявлял, что я — я! — его наказание! Воистину повязка фельпского надсмотрщика на галерах пошла бы сему двуногому зверю больше шитой золотом мантии. Прекратить это безумие мне удалось, лишь написав пресловутую диссертацию, и, скажу без ложной скромности, она вышла блестящей. Ее достоинства признали даже засевшие в Малом совете лизоблюды, обычно равнодушные к кормящей их науке. Я не получил ни единого черного шара. Ни единого! Но вот «экстаз творческой муки», но вот «восторг от слияния с горним» прославленный самодур мне испортил напрочь. Он пятый год мертв, и я готов уважать его память и не намерен спорить с его почитателями, но мои главные труды родятся по велению души, а не

Избранные места из дневника Жерара Шабли...

по мёртвым зарубкам на календаре. Лишь тогда они будут не удовлетворяющими академическим требованиям ремесленными поделками, а достойными просвещенного разума работами, не расписными горшками, а великими полотнами!

Разговор с Капоттой тем не менее оказался достоин того, чтобы я его записал. Началось достаточно предсказуемо — отдавший лучшие годы графским недорослям съентифик обрисовывал мне моих будущих учеников. Приходится признать, что у лысого господина Шёнау имелись некоторые основания причислить изящную словесность к забавам аристократов. Эти господа, живущие для того, чтобы перещеголять друг друга, более не удовлетворяются дорогими туалетами, причудливыми выходками и убийством себе подобных на дуэлях, они начали использовать в качестве оружия знания и искусства. То, что рождалось как святыня, становится орудием тщеславия, утрачивая при этом свою высокую суть, но мне это обещает определенные сложности.

Мэтр Капотта имел сомнительное удовольствие годами наблюдать не только своих воспитанников, но и их сверстников из числа друзей и соседей графов Ариго. Он полагает, что меня ожидает встреча с юнцами не только наглыми и самолюбивыми, но и освоившими, самое малое, общие курсы университета. Логические науки меня никогда не привлекали, но для них держат своих менторов, мне же предстоит занятия не только по изящной словесности, но и по землеописанию и истории, причем как древней, так и текущего Круга, а что есть недавняя история, как не повторяемая в угоду властям предрержающим ложь? По счастью, юные скоты — я всегда смогу оправдать сей каламбур тем, что унаров называют еще и «жеребятами» — уже научены тому, что в Талиге считается правдой и будет считаться таковой до смерти кардинала. После того как подменивший короля временщик отправится кормить червей (порой мне становится жаль, что пресловутого Заката не существует), его преемник повелит говорить о покойном мерзавце правду и... соорудит пьедестал из верноподданной лжи уже для себя. Впрочем, Сильвестр еще не стар, и я надеюсь

расстаться с Лаик прежде, чем придется заучивать новую ложь. Зато я должен иметь в виду, что представители семейства Савиньяк в совершенстве владеют гальтарикой, а в доме Валмон имеют склонность к парадоксам и розыгрышам. Мэтр Капотта упомянул, что молодой граф Савиньяк и нынешний наследник Валмонов имеют несомненный поэтический дар, хоть и не относятся к нему серьезно. Что и требовалось доказать — люди, даром получившие то, о чем большинство может лишь мечтать, озабочены исключительно своими победами на ристалище тщеславия. Небесный дар их может разве что забавлять, впрочем, не думаю, что он у этих господ хоть сколько-нибудь велик. Способности — весьма вероятно, но не талант.

Когда хозяин сказал мне все, что полагал нужным, я из вежливости спросил, пишет ли он. Ответ меня не удивил. Человек, избравший стезю прислуги, ибо домашний ментор слуга в не меньшей степени, что домашний портной или куафер, перестает слышать горнее, его жизнь становится простой и бессмысленной, пусть и сытной. Я выразил сожаление и хотел уже откланяться, но был приглашен к обеду, за которым вновь всплыло имя Сэц-Георга. Мне стало неприятно, и я перевел разговор на королевскую свадьбу, совершенно упустив из виду, что король женился на сестре выучеников Горация Капотты. В ответ хозяин довольно резко заметил, что его услуги давно оплачены и он не намерен никому напоминать о своей особе. Прозвучавшая в ответе гордость несколько примирила меня с продавшим и поэзию, и науку мэтром, и я заверил его в том, что королевская свадьба занимала слишком многих и что я лучше запоминаю имена прославленных поэтов, нежели юных графинь. Мэтр оценил мою шутку и заметил, что отныне мне предстоит запоминать другие имена и что среди графинь встречаются поэтические натуры, как и среди простолюдинов. Мне оставалось лишь упомянуть мэтра Кубмария и услышать, что даже астролог не скажет, что именно проснется в крови каждого из нас.

Напоследок мы заговорили о Дидерихе и о слабом поле, о котором у моего собеседника довольно своеобразное мнение. Он не сомневается не только в способности женщин воспринимать прекрасное, но и в тяге к роковым и темным страстям.

Избранные места из дневника Жерара Шабли...

Мэтр Капотта допускает, что многие сюжеты Иссерциала, Лахузы, Софимета, Дидериха взяты или могли быть взяты с натуры, сколько бы мы ни обсуждали надуманность «Элкимены», «Плясуньи-монахини» или «Праведной убийцы». Каюсь, я с трудом подавил усмешку, воображая драму, в которой Ортанс под крики попугая подсыпает яд изменившему ей барону и отдается молодому священнику, но на обратном пути меня поразило словно бы молнией. Да, я не знаю ни времени, ни места моего рождения, но слишком многое во мне — от длинных и тонких пальцев до способностей и вкуса — изобличает принадлежность к той самой столь ненавистой мне знати. И мои приемные родители... Они, конечно, были ко мне на свой лад добры, но их вечная прижимистость вступала в противоречие с усыновлением найденного под дверью ребенка. Другое дело, если вместе с младенцем были еще и деньги.

Чета Шабли слишком честна для кражи, но почему бы не пойти на предложенную кем-то неведомым сделку? Добрые люди забирают золото и воспитывают сироту. Да, это все ставит на свои места, а мое пребывание в Лаик дает мне пусть и небольшой, но шанс узнать свое настоящее имя. Никакое сходство не позволит заявить о своем родстве с какими-нибудь Ариго, да я и не желаю иметь дело с титулованными мерзавцами, но мне нужна правда и, возможно, я ее наконец узнаю.

Талиг. Поместье Лаик

22-й день месяца Осенних Скал 390 года круга Скал

Я подъехал к воротам Лаик в два часа пополудни. Был отвратительный, дождливый день, как нельзя лучше подходящий к моему настроению. Да, здравый смысл посоветовал мне пожертвовать двумя или тремя годами, что, если вдуматься, совсем немного. Моя жизнь и как съентифика, и как драматурга лишь начинается, однако грядущее представление капитану Лаик удручает меня так, как думающего человека может удручать зависимость от невежды. Капотте легко советовать: отблеск королевского двора, при котором он по протекции некогда оказался, лег на всю его довольно-таки бездарно потраченную жизнь. Для графини Ариго ментор сыновей был не столько памятью о юности, сколько ходячим свидетельством ее собственной близости к трону. Разумеется, высокородная дама щадила чувства столь полезного приобретения вплоть до вовлечения Капотты в устраиваемые ею поэтические турниры. Иное дело я. За мной не стоит ничего, кроме знаний и разума, которые пока еще неведомый мне Дюваль вряд ли способен оценить. Не думаю, что этот господин слышал хотя бы имя моего покойного учителя, а жаль.

Обычно мне неприятно ощущать себя в тени Сэц-Георга, но капитан Лаик судит о своих унарах — но и глупое же слово — не по их достоинствам, а по влиятельности их родни. Знай сей «облеченный высочайшим доверием» невежда, сколько в мире науки весит имя Сэц-Георга, он бы по привычке к пресмыканию перенес это на меня, и я бы тем самым избежал унижений, сейчас неизбежных. Что ж, придется терпеть ради будущей книги и возможности работать. И я вытерплю.

Возница остановил повозку у моста и долго препирался с двумя стражниками, которым явно не хотелось выходить под дождь и открывать ворота ради какого-то ментора. Они ждали подачки, но я изрядно потратился на книги. Прежде я поль-

Избранные места из дневника Жерара Шабли...

зовался библиотекой университета и собранием господина Дюмени, теперь мне предстояло обходиться тем, что я привез с собой. Я оставил себе ровно столько денег, сколько стоил наем крытой повозки, но разве объяснишь это раскормленным бездельникам? По счастью, мой возница оказался настойчив, осень еще не кончилась, а мы уже въехали в парк.

Разумеется, я видел Лаик на гравюрах, однако никакое изображение не в силах передать всей чудовищности этого сооружения, вмещавшего сотни монахов. Единственным достойным деянием Франциска Оллара стало изгнание толп мракобесов, ханжей и святош, веками беззастенчиво объедавших королевство и давивших даже самые слабые ростки мысли. Оллар мог разделить монастырское имущество между бедняками, но предпочел раздарить его своим фаворитам, немедленно позабывшим о своих корнях и перенявшим замашки талигойской знати.

Бывшие аббатства перестраивались под баронские и графские замки, но Лаик эта судьба миновала: захватчику пришлось в голову отбирать у новых подданных наследников и воспитывать из них слуг своей династии. Биографы Франциска превозносят мудрость и благородство самозванного короля, якобы протянувшего руку поверженному врагу, но о каком благородстве речь? Оллар превратил аббатство святого Танкреда в тюрьму для заложников, накрепко связав руки родителям мальчиков. Все разговоры об унарском братстве были, есть и будут красивой, хорошо оплаченной ложью.

Я не удивляюсь, что про Лаик рассказывают страшные истории, где и водиться призракам, как не в этом безнадежном месте? Когда-нибудь я напишу книгу, и в ней навеки останется дождливый ветреный день, угрюмый облетающий парк, подернутый рябью пруд и глядящийся в него дом... Нет, лучше разбросавший листву парк, однако хватит поэзии! Я никогда не был суеверным, однако при виде тонущей в сумраке лестницы, забранных решетками окон и тяжелых дубовых дверей становится не по себе. Впечатление усугубляют слуги, похожие друг на друга, как горошины из одного стручка.

В полумраке здешние слуги кажутся даже не братьями — чередой отражений в мутных дешевых зеркалах. Я спросил маленького остроногого человечка, провожавшего меня в мои

Вера Камша

комнаты, не родственник ли он остальным, а в ответ получил пространный рассказ о бывших монахах, оставшихся в бывшем аббатстве. Порвав с эсперантизмом, они обзавелись семьями, их потомство также не захотело покидать насиженное место, предпочтя пойти в услужение. За почти четыреста лет бывшие братья во Ожидании превратились в кровных родственников, а кровосмешение улучшению породы отнюдь не способствует. Я отнюдь не атлет, но в сравнении с лаикскими обитателями чувствую себя бароном из Бергмарк.

Я попросил своего провожатого показать мне дом, и тот без лишних разговоров взял свечу и повел меня бесконечными коридорами. Здание было большим и запутанным, хоть и не столь огромным, как казалось снаружи. Ошибка объяснялась наличием нескольких внутренних дворов. В один из них выходят окна моих комнат, и я сомневаюсь, что когда-нибудь сюда заглядывает солнце. Во всем остальном моя новая обитель выглядит вполне сносно. Слуга с готовностью помог мне распаковать мои немногочисленные пожитки, но книгами я займусь сам, благо время у меня есть. Ни капитан, ни менторы еще не вернулись, так что сейчас я — единственный обитатель Лаик, если, разумеется, не считать стражников, слуг и заполонивших поместье кошек.

* * * *

10-й день месяца Осенних Ветров 390 года круга Скал

Вчера в Лаик вернулся пресловутый Дюваль, а сегодня утром я имел с ним беседу. Капитан Лаик — довольно крупный человек с большой головой, резкими чертами лица, зычным голосом и единственным глазом. За исключением кривизны, о которой меня не удосужились предупредить, он в точности таков, как я его себе представлял, но достаточно любезен. Причина этой любезности предельно проста: для господина капитана я протеже Хеллевалдов.

Капитан с гордостью объявил, что знает старого барона по торской кампании и гордится его дружбой. Торка... Место, куда отправляются за чинами и титулами те, кому лень думать, те, для

Избранные места из дневника Жерара Шабли...

кого чужая жизнь ничего не значит, те, кому претит честный труд, но кто находит удовольствие в насилии. Одним словом, наши доблестные дворяне и среди них свекор Органс. Я готов поклясться, что в каком-нибудь бергерском хлеву хрюкает дядюшка или тетушка будущих отпрысков некогда девицы Дюмени, а ныне госпожи баронессы. Не понимаю, как я мог отдать несколько лет жизни совершенно пустому существу?! Леворукий в сказках покупает души и платит за них властью, золотом, красотой, молодостью, я отдавал свою даром, но ее не взяли. Лазаро Фельпского утопили в соленом озере за найденные им семь доказательств невозможности Создателя, но есть и восьмое. Существой Враг на самом деле, он бы явился мне и предложил баронство, а я бы взял, но теперь кончено. Я отрекаюсь от Органс, она недостойна любви, но я не стану желать ей счастья. Напротив, пусть новоявленная баронесса в полной мере вкусит дворянского тупоумия, пусть ее супруг задирает юбки служанкам и ночами напролет пьет и играет. Может быть, тогда она вспомнит обо мне и поймет, от чего отказалась. Академическая мантия изрядно бы это понимание приблизила, но сперва ее нужно получить, и путь к этому проходит через Лаик.

Я не считал нужным разочаровывать Дювалья относительно моей близости к доблестному роду Хеллевалдьдов, тем более что у капитана на мой счет имелись сомнения, которые он и высказал. Каким-то непостижимым образом слава Сэц-Георга достигла Лаик, и Дюваль засомневался в способностях ученика словесника, пусть и великого, преподавать землеописание и историю. Мне удалось втолковать этому обстоятельному господину, что защитивший диссертацию по словесности получает диплом магистра описательных наук, а землеописание с историей в университетском курсе занимают куда больше времени, чем в Лаик, где описательным наукам отведено девять уроков в неделю. Остальное время будущие воители и государственные мужи станут тыкать друг друга шпагами и решать задачки о сукне и деньгах в чужих карманах. И так во всем: сначала — вымазанное в крови железо, потом — золото, скотина, тряпье и лишь затем — вечное, которое нашим дворянам нужно разве что для забавы.

Мои доводы подействовали. Дюваль совершенно успокоился и принялся объяснять мне здешний распорядок, который я и так уже знал. Я слушал спокойно, пока кривой вояка не уведомил, что менторы во время занятий едят вместе с унарами, сейчас же меня будут кормить с его стола. «С его стола». Как гнусно звучит — словно я лакей или собака. У меня не будет даже постельного белья и верхнего платья, все это принадлежит Олларам. В Лаик ментор ходит в белом дублете, черных штанах, белых чулках и черных туфлях с загнутыми носами. Глупость, но глупость унижительная, хотя здесь унижает все, и более всего — пренебрежение к разуму. Что знает такой вот Дюваль о вещах, над которыми тысячелетиями бьются лучшие умы? Ему нужны похабные песни, вино и грудастые девки. Впрочем, здесь таковы все. Мне предстоит учить сыновей, племянников, бастардов таких же дювалей, к фамилиям которых цепляются словечки «барон», «виконт», «маркиз», «герцог», «принц». Благородные потомки выдающихся родов! Будущие мерзавцы, из-за спин которых торчит подлость отцов, дедов и прадедов.

Напоследок господин капитан меня осчастливил ключами от здешней библиотеки, я немедленно отправился ее обследовать и... был потрясен. Лаик — сокровищница, в сравнении с которой убоги не только университетская библиотека Сабве, но и книжное собрание Малой Академии, куда меня однажды отвел Сэц-Георг. Мозгов перевозносимого уже почти Круг Франциска не хватило понять, *что* хранили ограбленные им монахи, и он оставил бесценные книги на попечении неспособных прочесть на гальтарике и двух слов скотов со шпагами. То, что библиотека до сих пор не раскрадена, объясняется исключительно их безграмотностью, им просто невдомек, что тот же список Софимета¹ в Паоне стоит дороже особняка и хранится в императорской сокровищнице. Но это в Гайифе, где всегда знали цену разуму и таланту.

Тот, кто сумел бы вернуть империи ее законное достояние, стал бы в одночасье богатым человеком, а вывезти из Лаик несколько книг не так уж и трудно. Разумеется, не унарам, ко-

¹ Считается, что драматург Софимет родился на территории современной Гайифы.

Избранные места из дневника Жерара Шабли...

торые приезжают налегке. Лошадь прячут в табуне, дерево — в лесу, книгу — в ящике с другими книгами. Другое дело, что обмануть ищеек, которых развел нынешний тессорий, не в пример труднее. Попытка вывезти рукопись Эразма Колиньяра, которую предпринял один из вице-академиков, запомнил его имя, закончилась печально и для продавца, и для лишившегося своих денег покупателя. Неприятная история, но поучительная. Я чувствую себя, будто во сне, когда становишься обладателем немислимых сокровищ, и при этом понимаешь, что это сон и, проснувшись, ты потеряешь все. Что ж, я буду спать несколько лет и при этом работать над диссертацией. Возможно, мне удастся отыскать в Лаик доселе неведомые источники, но сперва придется освежить в памяти землеописание и историю. Я горд от природы и не желаю, чтобы какой-нибудь недоросль, вышколенный нанятыми менторами, уличил меня в незнании.

* * * *

22-й день месяца Осенних Ветров 390 года круга Скал

Вчера я познакомился с теми, чьим обществом мне придется довольствоваться ближайшие полгода. Они приехали одной каретой и немедленно пожелали объяснить мне то, что я по большей части уже знаю. Мы провели довольно-таки сносный вечер за домашней наливкой и, похоже, составили впечатление друг о друге. Особой радости общение с подобными людьми не приносит, но, кажется, их можно не опасаться, они для этого достаточно поглощены собой и удовлетворены своим нынешним положением.

Итак, старший магистр логических наук Йозеф Шлих. Преподает философию и логику, и судьба его в самом деле логична и наводит на философские размышления. Когда-то Шлих, по его собственным словам, подавал изрядные надежды, однако наука требует жертв, на которые сей философ оказался неспособен. В юности ему выпал случай жениться на дочке полковника, вскоре после переворота ставшего капитаном Лаик.

Тесть, дорвавшись до должности, пристроил к корыту и зятя, тем самым убив в нем ученого. В борьбе разума и желудка чаще побеждает желудок, особенно если на его стороне юбка. Теперь господин Шлих — жизнерадостный толстяк с пустым розовым лицом. Он всем доволен, у него не то шестеро, не то семеро детей, и он говорит только о них и о жене, по которой уже скучает. Я попытался обсудить с ним лазаровы «Парадоксы», а он перевел разговор на свою любезную наливку.

Вместо академической мантии — менторские тряпки, вместо светлой головы — сытое брюхо, вместо радости познания — супружеские сюсюканья. Теперь я вижу, от чего меня уберегла судьба, а ведь окажись Органс иной, я бы мог растоптать свое призвание. Воистину, судьба Шлиха — предостережение всем, в ком горит искра любознательности и творчества. Поразительно, но он не понимает, в кого превратился, и усиленно пытался мне объяснить, сколь разумно я поступил, приехав в Лаик. Можно подумать, я это сделал по доброй воле!

Еще один старший магистр, Бенвенуто Кваретти, давно выслужил пожизненный пенсион и намеревается со временем переехать к племяннице в Рафиано. Этот тихий вежливый человек преподает математику во всех ее проявлениях, но по-настоящему занят лишь астрономией. Орден Знания, которому принадлежал Лаик, обустроил здесь неплохую обсерваторию. Дворянским недорослям она без надобности, но Кваретти ради старой башни заживо похоронил себя среди унаров.

За столом старик по большей части молчал, лишь на прощание пригласил меня на чашечку шадди. После завтрака я счел возможным зайти и не прогадал — уроженцы Рафиано плохо варить шадди просто не умеют. Я совершенно искренне выразил свое восхищение, в ответ хозяин рассеянно осведомился, откуда я, и принялся излагать свою теорию. Я не силен в математических расчетах и понял лишь то, что Кваретти нашел или полагает, что нашел, подтверждение еретической теории о том, что Аксенаи вокруг Кэртианы вращаются каким-то иным образом, нежели это сейчас предполагается. И вроде поэтому в конце Круга звезды на небе встанут не так, а эдак. Чем дальше он объяснял, тем сильнее я убеждался в пол-

Избранные места из дневника Жерара Шабли...

нейшей бессмысленности всего этого, и более того, в том, что вся эта математика, что бы там ни утверждал «великий» Колинъяр, — наука купцов и караванщиков, а не мыслителей и философов.

Я искренне желаю старику дожить до Излома и лично убедиться в своей правоте, но вникать в подобные выкладки не в состоянии. Меня всегда возмущало то, как Франциск разделил науки. Математике нечего делать рядом с философией, но Олар, как всякий дорвавшийся до власти невежда, почитал себя знатоком всего сущего и связал высочайшее достижение человеческого духа с негоциантскими премудростями.

Кроме Шлиха и Кваретти, в Лаик обитают врач, очень недурной, если исходить из знатности пациентов, и учителя фехтования, гимнастики, верховой езды и рисования, впрочем, я намерен встречаться с этими господами лишь за столом. Мускулы — превосходство быка, а не человека, однако фехтованию и гимнастике принадлежат пять восьмых отводимого на учебу времени. И что после этого ожидать от юнцов, растущих в убеждении, что нет ничего важнее силы, богатства и титула?! Что до художника, то с человеком, восемь часов в неделю обучающим недорослей рисовать носы, а в остальное время малюющим триумфы всяческих величеств, мне говорить не о чем.

Я уже отложил свой журнал, когда вспомнил о неизбежном клирике, который скоро вернется в свое логово. Зовут его по иронии судьбы Эразмом, по словам моих собеседников, он невысок, толст, румян, любезен, ленив и на первый взгляд недалек. Любимое занятие этого, с позволения сказать, слуги Создателя — вечерние возлияния в обществе менторов, из которых он особо отличает одного из троих здешних фехтовальщиков. Занятно, что Дюваль довольно-таки неуклюже предостерег меня от откровенности с клириком, которого подозревает в доносительстве. Мысль о том, что я завяжу дружбу с ханжой, сама по себе нелепа, но капитан меня удивил и почти растрогал. Впрочем, увечья часто располагают к размышлениям, а размышления возвышают даже самые грубые натуры.

Вера Камша

* * * *

3-й день месяца Осенних Волн 390 года круга Скал

Похожего на румяного каплуна клирика и унаров я увидел одновременно. Тридцать четыре великовозрастных оболтуса по очереди назвали свои имена. К сожалению, у меня дурная память на лица, а унары в своей нелепой одежде походят друг на друга, как головастики из одного пруда. Со временем из них вылупятся мерзкие прожорливые лягушки, в глотках которых будет исчезать богатство Талига. Они будут проматывать состояния, не думая, что на соседних улицах от голода плачут дети. К несчастью, я бессилен что-либо изменить, остается смириться и уйти в мою науку, но как же мне отвратительны эти самодовольные, сытые наглецы! Да, я понимаю, что через полсотни лет все они пойдут на корм для червей, от них не останется ни книг, ни скульптур, ни сонат, ни памяти, но всю свою бессмысленную жизнь они будут пользоваться всеми благами этого мира. Бездарность сыта и праздна, талант голоден и угнетен.

Верующих утешает и успокаивает надежда на Рассветные Сады, но я — ученый, я знаю, что смерть — это конец всему, и мы с нашими чаяньями, мыслями, любовью, ненавистью исчезаем навсегда. С мыслью о смерти трудно смириться, и наши предки выдумали загробную жизнь, чем не замедлили воспользоваться хитрецы. Сначала жрецы-абвениаты со своими сказочными божками, затем эсператисты с Создателем и Леворуким, потом пришел Франциск и объявил себя главой новой церкви. Сделай он это, чтоб покончить с мракобесием, я бы назвал узурпатора величайшим из людей, но целью Оллара была власть.

Эсперадор принял под свое покровительство Бланш Ракан и ее сына, и Франциск ударил. Легкость, с которой чужеземному королю удалось избавиться от агарисских святош, доказывает, что они стали ненавистны народу. Я немало прочел об эсператистских временах — костры, мертвые озера, забивание камнями, публичные покаяния, война с древними мудрецами, преследование ученых, философов, поэтов... Только поражение

Избранные места из дневника Жерара Шабли...

в Талиге вынудило Агарис отступить, старый Эсперадор весьма своевременно умер, а пришедший ему на смену одернул ордена Истины и Чистоты. Не сделай он этого, вслед за Талигом от Агариса отпали бы и другие, однако я отвлекся от лаикских головастика. Первый мой урок завтра, мне в присутствии Дюваля придется говорить о начале времен, что не так уж плохо, поскольку ненавистное мне облеклось в нынешнюю форму много позже. Остается решить, к кому мне обратиться мою лекцию — к ученикам или к капитану, с которым, насколько я успел понять, следует говорить медленно и в понятных ему выражениях.

Всего же более меня удручает необходимость увязывать имена унаров с их лицами. Шлих и Дюваль едины в том, что нынешний набор не внушает особых опасений. Самой значительной особой в нем является наследник Дораков, главное в котором не будущий титул и не отец-маршал, как поговаривают, совершенно бездарный, а дядя-временщик. Будь я каким-нибудь полковником, я бы побился об заклад, что именно Дорак выйдет из Лаик под первым номером. Остальные не столь полезны и не столь опасны, ну а кто сколько стоит, и прав ли был Капотта в своих оценках знати, или же графиня Ариго перекормила ручного съентифика марципанами, я узнаю в самое ближайшее время.

* * * *

3-й день месяца Осенних Молний 390 года круга Скал

Огромная луна в окне словно бы намекает, что пора подводить первые итоги. За прошедший месяц я выучился распознавать черно-белых головастика и убедился в полном человеческом ничтожестве своих, с позволения сказать, коллег. Все они, кроме разве что обнаружившего определенные проблески мысли врача, ограничены, однако не злы и не заносчивы. Говорить с ними совершенно не о чем, к тому же мне приходится готовиться к урокам, что отнимает больше времени, чем думалось. Глупость так называемого великого Франциска дает

о себе знать везде, и Лаик не исключение. Логические науки здесь преподают двое менторов, а описательные — лишь один. И это при том, что словесность и землеописание разнятся всяко больше математики и философии, а назвать историю наукой могли лишь озабоченные своей дутой славой тираны. Так называемые великие победы Оллара — последствия либо везения, либо глупости агарисских святош и старой аристократии, но называть вещи своими именами в Талиге невозможно, да и перед кем? Перед потомками тех, кто кичится подлостью предков, полагая эту подлость доблестью? Перед теми, кто строит свое процветание на прислуживание всем этим нынешним Доракам и Манрикам?

Меня не услышат, а если услышат, то или не поймут, или я лишусь возможности писать и хорошо, если не жить. Моя работа останется незаконченной, а мой бунт задохнется в сырых лаикских стенах. Криков здесь не услышат, так зачем кричать? Тем более что я могу лично не повторять олларовской лжи, предоставив это унарам, которые с готовностью похваляются своими... нет, знаниями я эти зазубренные в родовых поместьях подлости называть не могу. У агарисских ханжей имеется нечто вроде выходного монолога, когда они перечисляют то, во что они якобы веруют. Приспешники Олларов ничем не лучше, просто у них это называется историей Талига.

Я мог бы гордиться открытым мною способом препоручения лжи самой себе, но это отнюдь не то наследство, которое я хочу оставить. Мой главный труд ждет своего часа, думаю, что я смогу взяться за него после Зимнего Излома, пока же мне приходится вникать в землеописание, поскольку здесь требуются знания, хоть по большей части и лишённые мысли. Так запоминают дорогу лошади и возчики. Когда в Урготе льют дожди? Какие реки наиболее полноводны? Что за животные водятся в Сагранне, и чем они отличаются от обитающих в Торке? Все это при желании можно прочесть, но унары должны получать свое землеописание, а ментору, согласно здешним правилам, не дозволяется заглядывать в книги, если только он не зачитывает чьи-то откровения или литературный отрывок.

Избранные места из дневника Жерара Шабли...

Уроки словесности, раз уже речь зашла о них, приносят мне некоторое удовлетворение. Не могу сказать, что я научил голластикова разбираться в поэзии и тем более творить самим, это не под силу никому, но я заставил себя слушать. То, что не может сказать Жерар Шабли, говорят герои Иссерциала и Дидериха. Я читаю обличающие временщиков строки в лицо кардинальскому племяннику, и тот слушает, это ли не месть? Мститель с кинжалом может убить лишь единожды, мститель с пером убивает негодяев век за веком; у меня в руках перо.

* * * *

19-й день месяца Осенних Молний 390 года круга Скал

Я не люблю комедии. Смех ради смеха принижает человека и порожден либо низменными чувствами, либо бессилием. При этом смех — самый простой из путей к признанию, ведь шут в нелепой одежде заметен всегда. Большинство людей неспособно на длительную работу разума и души, если под этим церковным словцом понимать готовность испытывать высокие, сильные чувства. Именно поэтому смех в трагедиях сродни перерывам между лекциями, он позволяет публике отдохнуть и вновь обрести способность к пониманию и сопереживанию. Последнее время я взял за обыкновение записывать то, что может пригодиться в моей работе; сегодня это был смех.

Началось с того, что захворал наш, скажем так, слуга Создателя. О, ничего серьезного, хотя этот Эразм заметно старше меня. Праздность и отсутствие волевых и умственных усилий способствуют укреплению здоровья, и все, что грозит подобным господам, это дурные болезни и расстройства желудка, последнее и произошло. Аспид слег с грелкой и был вынужден отказаться от вечернего обжорства с возлияниями, что возымело результат, сразу и смешной, и докучливый. Меня посетил постоянный собутыльник занемогшего клирика, горластый, тучный пучеглазый солдафон. Он преподает фехтование, однако обществу себе подобных предпочитает общество отца Эразма. Насколько я успел понять, двое оставшихся фехтоваль-

щиков, гимнаст и берейтор Арнольда Арамону в свой круг не допускают, хотя, возможно, он сам туда не слишком рвется, всего же вероятней сочетание первого и второго.

Лаикского клирика назначает лично кардинал, на которого святой отец и шпионит, но старшему шпиону нужны младшие. Если Арамона доносит, от него и впрямь лучше держаться подалше, но у меня не оставалось выхода. Быкоподобный ментор возник на моем пороге с корзиной, из которой красноречиво торчало бутылочное горлышко, мне оставалось лишь посторониться. Арамона грузно прошествовал к столу, вперился взглядом в разложенные бумаги — к счастью, это были заметки к завтрашнему уроку — и буркнув: «Все пишете, нет бы отдохнуть», водрузил рядом с чернильницей свою ношу. Я что-то ответил, но этот человек слышит лишь себя, и это к лучшему.

Я подал столовые приборы и стаканы, незванный гость тут же разлил принесенное им вино, с громким хохотом выпил за мое здоровье и принялся рассуждать. Я слушал бесконечный монолог, прикидывая, как втиснуть нехитрые мысли этого животного в двенадцать, в крайнем случае, шестнадцать строк. Это явление с корзиной в келью к философу, эта снедь среди книг и рукописей и тинта рядом с чернилами в пьесе будут бесподобны, но ментора я заменю бароном. Тупым, самодовольным, разглагольствующим о своих былых подвигах, нынешних связях и поисках жениха для дочери. Мне даже стало жаль, что, узнав цену Органс, я разорвал план «Небесной Гортензии», который вынашивал два года.

История девицы, оставившей богатого и знатного суженого ради безродного гения, невероятней всех рассказней о закятных тварях, но как можно было бы показать противостояние животного и разумного! Знатный жених, врывающийся к сопернику, чтобы предложить ему отступного, был бы великолепен, но... но Органс оказалась достойна не трагедии, а криков попугая.

Я сожалел о несбывшемся замысле и слушал, иногда кивая и отпивая из своего стакана. Вино оказалось слишком сладким, чтобы получать от него удовольствие, но оливки и копченая утка были неплохи. Арамона пожелал услышать мое мнение об уго-

Избранные места из дневника Жерара Шабли...

щении, и я выразил ожидаемое восхищение, даже не слишком покривил душой, заодно пожелав скорейшего выздоровления отцу Эразму. В ответ гость сообщил мне, что я тоже умный, но слишком уж тихий и незаметный, в его устах это, несомненно, было комплиментом. Затем я узнал, что у Арамоны есть сын, который уже умеет читать и хочет воевать. Как было в ответ не поднять стакан и не пожелать Арамоне-младшему со временем достичь тех же высот, что и отец? О сарказме и иронии господин фехтовальщик явно не слышал и принял мои пожелания благосклонно, чтобы не сказать величественно, дозволив обращаться к нему, если у меня возникнут затруднения.

Затруднений, в которых мне могло бы помочь подобное животное, у меня не имелось, но Арамона ждал ответа, и я заинтересовался его мнением о наших головастиках вообще и племяннике Дорака в частности. Ответ, признаться, меня порадовал, поскольку унар Анри по фехтовальной части изрядно уступает, самое малое, четверым. Первым идет тоже довольно-таки неприятный красавчик, хотя Арамона, по его словам, учивал куда лучших бойцов, в перечисление коих и углубился. Он сыпал именами герцогов и графов, которые, став маршалами и генералами, ни за что не забудут столь выдающегося мастера клинка и протянут руку его пучеглазому сынку. В конце концов у оратора начал заплетаться язык, а бутылка показала дно, что меня и спасло. Арамона осушил последний стакан, заверил меня в своем уважении и пообещал составить мне протекцию не то у особо любезных его сердцу Савиньяков, не то у Ноймариненов, после чего убрался, оставив гору костей и достойный трактира запах.

20-й день месяца Осенних Молний 390 года круга Скал

Утром я поднялся с больной головой, должно быть, именно поэтому расшумевшиеся головастики казались мне особенно несносными. Урок тянулся, как тянется бездарная книга, а когда, наконец, закончился, мной завладел позабывший и думать о вчерашней хвори аспид. Он уже знал о моем ночном госте, что могло означать как то, что он Арамону ко мне и по-

дослал, так и то, что его осведомители не дремлют. Что ж, я не сказал ничего, что могло быть истолковано против меня; по правде говоря, я вообще ничего не сказал. На вопрос Эразма, не утомил ли меня визитер, я ответил улыбкой, предоставив собеседнику додумать устраивающий его ответ. Тот, видимо, так и сделал, поскольку уведомил меня, что Арамона — человек душевный, хотя его дружелюбие порой и может показаться чрезмерным. Я отделался цитатой Иссерциала, которую Эразм, разумеется, не узнал, решив, что я в самом деле полагаю себя оторванным от родимой ветки листком и рад любому готовому меня приютить древу. Последовала получасовая проповедь под травяной отвар, из которой следовало, что в Лаик я обрету душевный покой и сердечную дружбу. Из более или менее любопытного я узнал, что Арамона женат на внебрачной дочери графа Креденьи, является достойным супругом и нежнейшим отцом, и что его рвение и верноподданнические чувства еще будут оценены по заслугам. Я с готовностью согласился и был отпущен с пожеланиями всяческой олларрианской чуши, от которой меня всегда мутило.

Незначительное, казалось бы, событие, но из колеи оно меня выбило, и вместо того чтобы заняться, наконец, своей работой, я отправился на урок рисования, благо менторам это не только не запрещено, но и поощряется. Мои мысли вращались вокруг очередного мерзавца с титулом, прижившего вне брака дочь, но этот Креденьи хотя бы позаботился в меру сил о ее будущем и не скрывал своего отцовства. Моего загадочного родителя хватило лишь на то, чтобы откупиться, причем вряд ли подобная трата для него что-то значила. Неведомый Креденьи проявил большую щедрость, поскольку купил дочери хоть и скверного, но дворянина. Мой пожелавший остаться неизвестным отец удовлетворился мещанами, если, конечно, это был выбор его, а не обеспеченной им отчаявшейся женщины. Слабый пол падок на смазливых титулованных мерзавцев и верит любым посулам, а ведь еще есть и шантаж, и прямое насилие. Мне неизвестно о моем происхождении ничего, поэтому я вправе подозревать всех, кроме разве что кэналлийцев и бергерров, ибо первые смуглы и черноволосы, а вторые белобрысы и звероподобны.

Избранные места из дневника Жерара Шабли...

Логика и зеркало подсказывают, что я сын кого-то из уроженцев Эпинэ, хотя столицу и Кольцо Эрнани исключать тоже не приходится. У меня на плече и груди довольно приметная россыпь родинок, слегка напоминающая созвездие Охотничьего Рога, как его изображают в астрологических трактатах. На уроках рисования унары по очереди позируют почти обнаженными, при условии определенного везения я смогу обнаружить своего сводного брата, племянника, а то и дядюшку. Конечно, если мне достанет терпения. Сегодня мне не повезло — на возвышении в совершенно нелепой позе восседал унар Арнульф, здоровенный и на редкость тупой даже по бергерским меркам горец. Ортанс пришла бы от столь дивного зрелища в восторг, а мне стало противно, к тому же меня ожидали прерванные визитом Арамоны занятия. Просидев около четверти часа, я ушел, но работать так и не смог. Дидериховы бастарды думают если не о любви, то о мести, но они знают, кому мстить, я — нет.

* * * *

1-й день месяца Зимних Скал 391 года круга Скал

Прошлой ночью мне пришлось принять участие в праздничном застолье, которое устроил Дюваль. Всех, от ментора до последнего слуги, согнали в упорно отдающий монастырем столовый зал, где мы чудом не отдавили друг другу ноги и не расквасили носы, поскольку все огни были погашены. Зато потом под радостные унарские вопли зажгли и подняли люстру, видимо, призванную изобразить грядущие радости и торжество света над тьмой. Когда юность оторала, умудренность в лице Дюваля произнесла речь, собравшую, кажется, все банальности от призыва быть хорошими унарами до уверенности в грядущей победе Талига над всеми мыслимыми и немыслимыми врагами. Хорошие унары в ответ с удовольствием еще раз заорали и услышали потрясающую новость о том, что через два месяца их каждую неделю станут отпускать в столицу. Затем один за другим принялись вставать менторы,

Вера Камша

в меру своих способностей повторяя на разные лады все то же — учеба и Талиг, Талиг и учеба, мы всех победим, победим мы всех, всех победим мы...

Громогласней всех оказался Арамона, а короче и при этом подобострастней — берейтор, выразивший полное согласие с господином капитаном. Я, как и положено представителю описательных наук в Талиге, был последним. Обличать собравшихся подобно герою Дидериха, оказавшемуся на пиру глушцов и подлецов, я не стал, поскольку это не имело ни малейшего смысла. Но и повторять, пусть и кратко, верноподанный бред я не мог и по некоему наитию прочел финальные строки оды «К свету». У этого стихотворения не менее пяти смыслов, но лайкским обитателям хватило и первого. Мысль, что дневной свет лучше ночной тьмы, встретила полное понимание.

Затем с, так сказать, ответным словом (мы будем хорошими унарами, а Талиг всех победит) выступил унар Герман. Выбор меня несколько удивил, я ожидал юного Дорака, впрочем, этот бергер, кажется, состоит в родстве с маркграфом. Неотвратимый Анри оказался вторым. Он выразил благодарность дорогим воспитателям и заверил, что никто из головастиков, служа Талигу, нас не забудет и не опозорит, хотя *что* есть подобные питомцы, если не позор, через который мне придется переступить? На этом церемония, судя по всему, и завершилась бы, но моя выходка имела неожиданное продолжение. Не успел унар Анри сесть, как вскочил унар Винченцо, осчастлививший нас одним из худших творений Веннена. Даже великие поэты в юности подвержены стадному чувству, а юность Веннена пришлась на конец Двдцатилетней войны, от победы в которой наше дворянство не может протрезветь вторую сотню лет. Слушать это было неприятно, пожалуй, неприятней, чем нескладное мычанье Дюваля. На этом совместное празднование завершилось, унары остались трапезничать под присмотром старшего фехтовальщика и слуг, а мы проследовали в апартаменты капитана, где мне пришлось есть, пить и слушать глупости еще два часа.

Избранные места из дневника Жерара Шабли...

Застолье вышло шумным, нелепым и лживым, поскольку все лгали всем, но присутствие отца Эразма иного и не допускало. Менторы пили за Лаик, великое будущее унаров, здоровье короля с кардиналом, будущего наследника, которым весной нас осчастливит ученица Капотты, дорогого капитана, любимых коллег и бывших учеников, которые уже успели насOVERSHARТЬ подвигов. Один умудрился застрелить собственного генерала, другой прыгнул из торских капитанов в капитаны королевской стражи, третий угнал талигойский корабль и поймал вражеский, который годами не могли одолеть наши великие флотоводцы... В довершение всего ко мне пристроился Арамона, который сперва выяснил, что за стихи читали я и Винченцо, а потом объявил, что обязательно добудет своему отпрыску Веннена. Я не выдержал и посоветовал чадолюбивому ментору осчастливить наследника еще и Софиметом. Не удивлюсь, если он так и поступит.

* * * *

17-й день месяца Зимних Волн 391 года круга Скал

Обычно невежды и глупцы портят мне настроение, но порой случается обратное. Незнание способно задать вопрос, который, подобно внезапному стуку, привлечет внимание к тому, что прежде казалось очевидным. Сегодня наш второй бергер, которому лучше позировать, чем говорить, задал мне вопрос. Предельно глупый и при этом натолкнувший меня на потрясающий сюжет, в сравнении с которым блекнут и «Элкимена», и «Тень бастарда».

Иногда мне хочется слегка развлечься. В Лаик имеется перечень позднегалтарских и раннекабитэльских шедевров, о которых ментор обязан рассказать, остальные на его усмотрение. Мне показалось забавным обсудить горестную историю Беатрисы Борраска, которую захлеб глотают все юнцы, но которой для съентификов словно бы не существует. Ханжество, посеянное эсператистами, процветает в олларрианском Талиге, хотя ордена Домашнего Очага и Чистоты давно

изгнаны, а духовное якобы отделено от светского. В библиотеке Лаик пресловутая история нашлась аж в шести изданиях, пять из которых были со знанием дела проиллюстрированы, так что на урок я взял шестое, относительно скромное. Как и ожидалось, унары с сим шедевром были, так или иначе, знакомы, исключение составили лишь бергеры, у которых подобные предания передаются изустно. Горцы с видимым интересом слушали спровоцированное мной обсуждение. В конце концов Арнульф не выдержал и громовым голосом поинтересовался, почему Беатрису с мужем, раз они стали эсператистами и взяли в дом больше сирот, чем другие праведники, не сделали святыми. Ответом был всеобщий хохот. Улыбнулся и я, но потом задумался и продумал всю ночь. До Эрнани в анаксии негайифских святых просто не было, и в раннекабитэлскую эпоху в святцы записывали всех, кто попадался под руку. Почему же обошли спасшего Гальтары полководца и его добродетельную супругу? Этому мог помешать лишь кто-то очень влиятельный, почти всемогущий. И такой в Золотой Империи был. Чезаре Марикьяре, в монашестве Адриан, основатель ордена Славы и... друг юности насильника Ринальди Ракана. Я освежил в памяти житие Адриана. При всех позднейших сахарных пошлостях никто не отрицает ни беспутной юности святого, ни того, что он не верил в виновность своего приятеля, пока не спустился в пресловутые лабиринты. Выбравшийся оттуда и внезапно уверовавший Чезаре меня не занимал. В отличие от четы не дождавшихся святости Боррасок.

Мы все исходили из того, что «всем известно». То, что «знают все», сомнению не подлежит, но чудесная зеленая лужайка на поверку может оказаться трясиной, а женская добродетель — распутством и лживостью. Нам веками предлагалось считать, что юная провинциалка, взятая в жены стариком, хранила верность вечно отсутствующему супругу и отвергала писаного красавца, к тому же эпиарха-наследника. Это даже не смешно, это нелепо. Услышь мы нечто подобное про наших соседей, за дело возьмутся здравый смысл и знание человеческой природы, но это же «знают все». Беатриса была добродетельна, верна, похищена и изнасилована. Как бы не так!

Избранные места из дневника Жерара Шабли...

Супруга вечно пропадающего на войне старого дурака захотела развлечься и выбрала себе подходящего любовника. Скорее всего, первым в ее постели оказался Чезаре, но тот предпочел другую чужую жену, с которой и сбежал. Тогда Беатриса занялась Ринальди, сходящим в столице с ума от безделья. Беатриса почти наверняка подумывала избавиться от супруга, а возможно, и мысленно примеряла корону, ведь анакс не имел наследников. Чтобы загнать любовника в угол, супруга Лорио сперва забеременела, а затем явилась к Ринальди, и он ее где-то спрятал, но этим и ограничился. Беатриса поняла, что оказалась в ловушке. Прятаться до конца своих дней на какой-нибудь вилле, не имея возможности даже показаться в городе, она не желала, и любовь к Ринальди, если здесь уместно говорить о любви, превратилась в ненависть.

Беатриса Борраска решила сразу вернуть себе былое положение и отомстить тому, кто не стал играть по ее правилам. Сбежать ей было нетрудно, ведь ее никто не стерег. Оставалось добраться до города, нанести себе какое-то количество неопасных ран и ушибов и устроить столь потрясшее Гальтары представление. Целомудренная женщина предпочла бы подобной прогулке смерть, ну так то целомудренная.

Своей цели Беатриса добилась, а то, что случилось потом, не так уж и важно. Во всяком случае, я далек от того, чтобы бросаться на защиту безмозглого красавца, мне любопытна исключительно злодейка, которая вернулась к тому, с чего начинала, и была вынуждена жить с клеймом добродетели, как другие живут с клеймом порока. Возможно, ее и впрямь причислили бы к лику святых, если бы не Чезаре-Адриан. Его дружбы не хватило на то, чтобы пойти против своих новых собратьев, и он накормил свою совесть, лишив блудницу и рогоносца нимбов. Эта история достойна драмы, хотя придется поработать над ситуацией, в которой «всем известное» станет неизвестным. Достойный вызов, и я его принимаю, но сперва диссертация. Больше трех лет в этом садке с головастиками мне просто не выдержать.

Талиг. Поместье Лаик

9-й день месяца Зимних Молний 391 года круга Скал

Меня начинают забавлять гонки моих головастиков, а ведь бега и петушинные бои при всем их различии вызывают лишь отвращение. Лошадей понукают наездники, петухами движет их природа. Если исходить из этого, то в унарском соперничестве больше петушиного. Разумному человеку не пристало участвовать в чем-либо подобном, но кто сказал, что наши дворяне, даже освоившие начала стихосложения, разумны?

До пресловутого Фабианова дня остается чуть больше двух месяцев, однако трое последних и шестеро первых очевидны уже давно. Я не поленился расспросить нашего любителя чужих родословных о фаворитах. Первым с большим отрывом идет Винченцо, при всей своей наглости и непоседливости довольно сносно соображающий. Семейство Фажетти, к которому принадлежит сей чернявый молодчик, помешано на смертоубийстве и состоит в родстве сразу с Рафиано и Савиньяками, о талантах которых я устал слушать. Порой мне хочется заполучить в свои руки представителя этого докучливого рода и загнать в угол вопросами о гальтарской поэзии, в которой они якобы разбираются. Впрочем, на фоне мясной скотины олени и впрямь выигрывают. В моем классе Винченцо заметно опережает прочих, что вызывает презабавную ярость идущего вторым Филиппа.

Шлих часто вспоминает, что Оскар, старший брат Филиппа, тоже выказал себя честолюбцем. В выпускном поединке он уступил очередному родичу нынешнего Первого маршала, и, кажется, заслуженно, после чего устроил достойное пародии на Дидериха представление. Чтобы научиться проигрывать, нужно понять и принять истинную цену себе и другим, иначе рискуешь оказаться смешным, что и произошло. Оскар топал ногами и клялся во всем превзойти своего победителя, стать маршалом и чуть ли не добиться любви тогдашней ко-

Избранные места из дневника Жерара Шабли...

ролевской невесты. Пока Филипп ведет себя разумней брата, впрочем, он еще окончательно не проиграл.

Третьим — да, всего лишь третьим, что вызывает у меня законную радость, — идет племянник всесильного мракобеса. Домашние менторы, несомненно, старались, однако талант и даже гений садовника не превратит придорожник в померанец. Что до главного дворянского умения, то, по словам наших фехтовальщиков, унар Анри никогда не превзойдет ни унара Винченцо, ни унара Филиппа, ни унара Германа, правда последний в классных комнатах ему не соперник. Бергеру придется удовлетвориться четвертым местом, а пятым, видимо, станет унар Этьен. Он не настолько плох в фехтовании, чтобы это перевесило невежество Арнульфа, еще одного бергера, идущего благодаря своим бычьим статям шестым.

Из призовой шестерки Этьен вызывает наименьшее отторжение. Он не нагл, по-своему вдумчив, а в его стихах при всей их слабости ощущается тяга к природе и уединенной жизни. Насколько мне известно, этот молодой человек не собирается ни вступать в армию, ни болтаться при дворе. Если бы выбор «лучшего из фабианцев» зависел от меня... Хотя, о чем это я? Лучших в Лаик быть не может, речь идет разве что о наименее бесполезном и вредоносном. Таковым, вне всякого сомнения, является Этьен, однако первым будет Винченцо. Он собирается в Торку под крыло к воинственному дяде, и я могу лишь пожелать там обоим и остаться до конца времен.

* * * *

1-й день месяца Весенних Скал 391 года круга Скал

«О неизбежность, семь раз ты посмеешься над смертным, но на восьмой раз он посмеется над тобой!» Винченцо не станет первым из фабианцев, он не станет вообще никаким. Вчера унары, как и положено знатым бездельникам, отправились в столицу проматывать отобранные у арендаторов деньги, и наш бравый фаворит умудрился ввязаться в трактирную драку и повредить плечо. Сперва это казалось простым ушибом, однако утром Винченцо не смог выполнить простейших гимна-

стических упражнений, и ментор отослал его к врачу. В кои-то веки заполучивший пациента Робсон возрадовался, взялся за дело и обнаружил вывих с разрывом связок, что исключает нагрузку на поврежденную руку, самое малое, до лета. Винченцо пробовал спорить, упирая на то, что может драться левой, но Дюваль не стал даже слушать, а ментор Арамона объяснил мне, что победа над увечным унижает и не может быть засчитана. Удивительное лицемерие, ведь в жизни у нас только и делают, что побеждают тех, кто не в состоянии дать отпор. Винченцо, по его словам, мог, но это право у него отобрали.

Головастиков сие происшествие взволновало и по большей части расстроило, поскольку Филиппа в Лаик терпят с трудом. Я бы, пожалуй, согласился с мнением юнцов, не имей унар Анри столь отталкивающего дядюшку, что это перевесит любые личные качества любого Дорака. В целом же истина о том, что все познается в сравнении, была очередной раз подтверждена — Винченцо при всей своей развязности производит менее отталкивающее впечатление, чем Филипп. Животные резвость и безмозглость предпочтительней высокомерия некоторых двуногих, все достоинства которых сосредоточены в их происхождении.

Раздосадованы, кажется, все. Мало того, поползли слухи о том, что драку подстроили. Кто-то вспомнил, как Винченцо делился своими планами, кто-то добавил, что Филипп вернулся раньше других, а благодаря моим урокам и Дидериху про алиби в Лаик слышали даже бергеры. Разумеется, не могли пройти мимо столь знаменательного события и менторы. С пристрастием расспросившие Винченцо фехтовальщики полагают и драку, и повреждения случайностью, врач с ними согласен, Дюваль, кажется, тоже. Мне по большей части безразлично, но чужое единодушие всегда будит сомнения. С другой стороны, единодушия-то как раз и нет — унары придерживаются иного мнения, чем начальство, и это хорошо. Филипп, несомненно, победит и на всю жизнь обретет дурную репутацию. Мерзавцу никогда не доказать, что его успех был заслуженным, и все, что ему останется, это хвататься за шпагу. Его ли убьют или же убьет он, это в любом случае несколько уменьшит пожирающую Талиг волчью стаю, что не может не радовать.

Избранные места из дневника Жерара Шабли...

* * * *

16-й день месяца Весенних Ветров 391 года круга Скал

Чем ближе Фабианов столп, тем сильнее кипят страсти. Сегодня Дюваль подписал бумагу, запомнил ее название, где расписано, кто с кем дерется в выпускных боях. Как мне объяснил Арамона, хотя я его об этом отнюдь не просил, расписание составляют так, чтобы в конце встретились сильнейшие. Обычно унаров сводят между собой каким-то хитрым образом, после чего делят на два стада, в первое отбирают шестнадцать лучших, во второе — всех остальных, но в этот раз после, как здесь выражаются, вылета Винченцо осталось тридцать три бойца. Это шестнадцать пар и один, которому недостает соперника. Одиночку определит жребий из числа восьми слабейших, и еще один жребий укажет его соперника из числа четырех худших победителей. Внезапно обративший свои взоры на землю Кваретти был этим откровенно недоволен, и один из фехтовальщиков посоветовал ему убить лишнего во имя торжества математики. Надо ли говорить, что эта глупость вызвала всеобщий смех и повторялась на все лады, пока слабейший предсказуемо не проиграл худшему. В итоге у нас осталось шестнадцать пар, которые через три дня начинают ловить хвост славы, но сперва унарам предстоят испытания по логическим и описательным наукам. Здесь сюрпризов ждать не приходится, разве что будет занятно наблюдать за присутствующим на экзамене Дювалем, который так и не осилил ни единой драмы Иссерциала.

* * * *

19-й день месяца Весенних Ветров 391 года круга Скал

Вот и конец ничего не значащего представления. «Места в Лаик называет шпага». Мне это объяснили еще до знакомства с одноглазым капитаном, и все равно подобное отношение к наукам и искусствам унижает. Человека от животного отличают разум и чувства, но в Талиге во главу угла ставится даже

Вера Камша

не кровь, которая может быть лакейской у герцога и герцогской у ментора, а признанные королем родословные. Эдакие подобия племенных книг, которые ведут заводчики собак. Хорошо, допустим, но ведь собаки умеют любить, они бывают сообразительны, их преданность вошла в поговорку, им, в конце концов, посвящено немало прекрасных строк. Казалось бы, именно эти качества должно ценить и в себе подобных, но нет. В Лаик важнее всего зубы и способность пустить их в ход, что ж, да будет так.

Признаться, накануне первого дня испытаний у меня мелькнула шальная мысль превратить здешний фарс в настоящий экзамен. Я даже подготовил с дюжину вопросов помимо тех, что так любил задавать прилежным, но туповатым студентам Сэц-Георг, но потом понял всю бессмысленность своей затеи. Имей испытания по описательным наукам вес, я бы, само собой, рискнул, но они не более чем пряжка на нелепом сапоге с белым отворотом. Шлих с Кваретти ограничились самыми пустыми вопросами, мне оставалось лишь последовать их примеру, и я последовал. Все прошло безупречно и уныло, если не считать Дюваля, который внезапно заинтересовался гальтарской балладой, которую я выбрал для разбора. Я чуть было не заподозрил кривого капитана в поэтическом чутье, но все разъяснилось быстро и просто. Дюваль усомнился в правильности действий героя, который, видите ли, ошибся со способом атаки. Можно подумать, что для поэта главное достоверность! Хотя готов признать, что излишняя возвышенность порой неуместна. Уподобление женщин ангелам, а королей небожителям пошло и унизительно, да и любовь как таковая не стоит всего того шума, который из-за нее поднимают.

* * * *

23-й день месяца Весенних Ветров 391 года круга Скал

Еще вчера все было так нестерпимо предсказуемо, что я с трудом заставил себя отправиться в фехтовальный зал. Смотреть на торжество мерзости отвратительно, а именно

Избранные места из дневника Жерара Шабли...

это при любом исходе подразумевал поединок Филиппа и Анри. Не обещала приятных сюрпризов и вторая, тоже угаданная еще до начала соревнований пара. Добравшийся до предпоследнего дня Этьен неминуемо должен был уступить тупице Герману. Присутствовать при этом мне по понятным причинам не хотелось, однако единственным способом уклониться, не оскорбив при этом начальство, было сказать больным. Именно так поступают здоровые люди, однако я с детства слаб грудью, к тому же у людей, владеющих словом, возникает определенная связь между сказанным и случившимся. В юности я несколько раз ггал об обострении моей врожденной болезни, и всякий раз меня настигал приступ. Объяснения этому я не имею, однако отсутствие знаний о природе того или иного предмета не равняется отсутствию самого предмета. Я встал, надел почитающееся здесь парадным уродливое платье, в урочный час занял положенное мне место и неожиданно был вознагражден.

Объявили, что Филипп захворал и не может драться. Казалось бы, чего радоваться, ведь победителем оказывается Анри, а заболевший, хоть и теряет вождеденное место, спасает свою репутацию. Я не высказал свою мысль вслух, за меня это сделал привыкший на конюшнях к откровенности берейтор. Дюваль его оборвал и велел врачу проведать больного.

Мы остались ждать. Все молчали, и я бы не сказал, что это молчание было приятным. Лаик — странное место, оно навевает дурные мысли, особенно в ненастную погоду; неудивительно, что здесь время от времени появляются призраки. Большинство существей такого рода одиноки и проявляются более или менее регулярно, но Лаик располагает к уродствам и излишества, отсюда и процессия призраков. И все же я хочу ее увидеть, возможно, это мне позволит перешагнуть через требования Лахузы к введению в повествования потустороннего. Считается, что магическое допустимо, когда необходимо раскрыть тайну или же подчеркнуть положение героев, но не хватит ли слепо следовать дряхлым правилам? Лахуза велик, настолько велик, что проторенным им путем послушно идут

Вера Камша

больше тысячи лет, но когда-то должен же родиться некто, способный видеть больше и дальше.

Я размышлял об этом, одновременно разглядывая унаров, которые явно были взволнованы. Еще вчера они не сомневались, что избиением Винченцо Филипп обеспечил себе победу, и вот он болен, но почему? Кто-то решил исправить несправедливость или честолюбец понял, что его ждет не слава, а судьба изгоя, и догадался разыграть болезнь? Или он для вящей достоверности принял яд?

Робсон вернулся довольно быстро и не скрывая усмешки. Все оказалось комедией, причем довольно-таки дурного толка. В ближайшее время у Филиппа будет прекрасный цвет лица, но следующие два дня он не должен отходить от интимной комнаты дальше, чем на несколько шагов. Нашелся и яд, вернее, наоборот, пропал. Опознав заваренный чрезмерно крепко нарианский лист, врач догадался проверить свои запасы и обнаружил пропажу, превратив тем самым Филиппа в героя столь любимых нашими дворянами похабных анекдотов.

Признаться, я полагал, что судьбоносный поединок перенесут, и недооценил тупоумие лаикских заправил. Список унаров должен быть представлен в геренцию не позднее первого дня Весенних Волн. Отойти от этой традиции можно разве что с разрешения Первого маршала, каковой прибудет в столицу лишь к главному действию. В теории капитан Лаик мог обратиться на высочайшее имя, на практике он струсил и объявил, что в завтрашнем поединке унар Анри встретится с победителем пары Герман — Этьен. В том, что бергер с легкостью одолеет племянника кардинала, сомнений не было. Варваров не обучают астрономии и стихосложению, но владеть оружием они умеют. Я порадовался грядущей победе быка над крысой и поторопился.

Унар Герман был полон дворянской и военной спеси, как сказочный горшок — гороховой похлебки. Вытащив шпагу, он бухнулся на одно колено перед капитаном и заявил, что не станет драться, так как при любом исходе общий расклад не будет справедливым. Эта, в общем-то, глупая выходка тем не менее встретила полное понимание, и Герман с разрешения

Избранные места из дневника Жерара Шабли...

Дюваля присоединился к теперь уже двоим переместившимся с первых мест на последние. Скромность, достойная первых эсператистов, и она же гордыня, которой позавидовал бы сам Ринальди Ракан!

Завтра нас ждет поединок Анри и Этьена, и его исход очевиден. Первым среди фабианцев будет племянник временщика, что и требовалось доказать. Теперь можно не сомневаться, что Винченцо избили отнюдь не случайно. Что до Филиппа, то можно гадать, убрали его чужими руками или объяснили, что лучше сойти с круга. Мерзавцам неважно, каким образом достигнут результат, главное, что он достигнут. Ну а Герман просто глуп и потому предсказуем, в его выходе можно было не сомневаться, а если бы он все-таки дрался? О, тогда в Лаик вспомнили б о науках и устроили переэкзаменовку, в которой наследник Дораков шутя победил бы торского дикаря.

Лаик свято следует заветам Оллара и живет вековыми традициями. Лаик живет подлостью.

*24-й день месяца Весенних Ветров —
1-й день месяца Весенних Волн 391 года круга Скал*

Некоторые вещи неприятны, но, чтобы приготовить рагу, нужно умертвить животное и разделать тушу. Разумеется, я осознаю, что рагу можно съесть, не будучи ни забойщиком, ни мясником, ни поваром, для этого достаточно иметь немного денег, но что делать творцу и сьентифику, который создает свое «блюдо» из жизни? Душевные порывы и размышления приходится объяснять через действие, следовательно, нужно иметь понятие о множестве отгалкивающих вещей. Возможно, когда-нибудь разум человеческий очистится, и публика утратит интерес к беготне с картонными мечами и животным страстям, но в наше время без них не обойтись. Любовную сцену, имея талант, сочинить нетрудно, ведь в природе так называемые чувства бледней, чем на подмостках, к тому же интимную жизнь принято скрывать. Никто не встанет и не заявит, что Иссерциал или Дидерих ничего не смыслит в поцелуях и объятиях, напротив. Сколько скотских интрижек

было прикрыто великими строками, сколько безмозглых животных освящают свою похоть с помощью чужого гения! Вот если бы то же можно было отнести к поединкам, коих в полноценной драме, согласно Лахузе, предполагается не менее двух. Но нет, здесь-то и следует ждать неприятностей! Любой ничего не смыслящий в искусстве, но привыкший махать железом глупец всегда готов выискивать ошибки, а то и заявлять, что пьеса или баллада никуда не годятся, потому что кто-то кого-то не так убивает. Говорить с таким вот Дювалем, который из всего им увиденного заметил лишь некий оружейный выкрутас, бесполезно, а долдонить он может долго и громко. Единственный выход — разобраться в способах смертоубийства и расписать их так, чтобы было не к чему придраться, однако это проще сказать, чем сделать.

Обладавший военным опытом Веннен, возмужав, одумался и отошел от воспевания кровопролития. Зрелый гений подобного и впрямь не приемлет, но Веннен был поэтом, а я тяготею к прозе и трагедии. И если мне приходится платить за мое им служение годами менторства, я должен извлечь из этого хоть какую-то пользу. Да, мне будет неприятно наблюдать торжество наследника Дораков, но я запомню, а затем и запишу все в мельчайших подробностях.

Согласно Лахузе, первый бой герой проигрывает, а в последнем побеждает, пусть даже и ценой жизни. Этьен отнюдь не герой, но сегодня он станет его подобием, эдакой портновской куклой, на которую я буду примерять создаваемое «платье». После вчерашнего происшествия развязка predetermined, унар Анри займет вождьеленное первое место, но и я соберу свой урожай. Иного утешения в нашем королевстве подлости и невежества не найти.

В фехтовальном зале я появился одним из последних. Помимо унаров и фехтовальщиков здесь собрались все менторы за исключением равнодушного ко всему, кроме звезд, Кваретти. Зато подобное событие никак не могло обойтись без аспида, и оно не обошлось. У дальней стены жались слуги, возле окна вовсю размахивали руками художник с берейтором, а в нише возле двери расположился захвативший самую удобную

Избранные места из дневника Жерара Шабли...

скамью врач. Я подумал было присоединиться к нему: обычно общество Робсона меня более или менее устраивает, но сегодня требовался кто-то более сведущий. И таковой незамедлительно нашелся в лице Арамоны, так что пьяные откровения я слушал не зря. Пучеглазый ментор с явным пренебрежением наблюдал за жестикулирующей парочкой. Кажется, он почувствовал мой взгляд, потому что сразу же подошел. Дальнейшее я буду описывать так, словно бы все происходит прямо сейчас, и по возможности подробно. Я не собираюсь ограничиваться одной драмой и могу не опасаться, что работа окажется лишней.

Просить Арамону о помощи не потребовалось, ибо он вместо приветствия предложил свои услуги: хотите, мол, разобратся, раньше ведь не видели? Я неопределенно пожал плечами, и фехтовальщик ожидаемо воспринял этот жест как приглашение к разговору, после чего с видом многоопытного знатока пустился в объяснения.

— Схватки идут на время, — толстяк со значительным видом кивнул в сторону чудовищных песочных часов с гербом Олларов, — дается десять минут. Кто, ха, нанес больше ударов, тот и победил.

Слабоумным я не являюсь, и подобные вещи мне объяснять не нужно. Я сразу же перевел разговор на сегодняшний поединок, выказав подозрение, что он является решающим. Ответ полностью подтвердил мои вчерашние выводы.

— Ха, — развеселился мой собеседник, — по правилам да, решающий, но, хе-хе, все решили вчера. С помощью, хе-хе, нарианского листа. Унар Этьен унару Анри и в подметки не годится, это я вам точно говорю как их ментор. Тут как бы «ранней смерти» не случилось.

— Простите? — на этот раз я в самом деле не понял. — Смерти? Вы о чем?

— Сейчас объясню. — Казалось, самодовольство сделало и так огромного Арамону еще больше. — Видите ли... Мы, конечно, прилагаем, хе-хе, усилия, чтобы умения унаров в обращении с оружием выравнивались, но бывает, за уши и то не дотянешь, уж больно разница велика! Бои получаются ну совершенно неравными. И смотреть нет смысла, и, хе-хе, состра-

дание к... гм... слабакам проявлять надобно. В общем, если один обгонит другого на десять ударов, поединок заканчивают, не глядя на часы. Вот это и называется «ранняя смерть». Поняли?

Не понять было сложно, но для меня «ранняя смерть» и впрямь явилась новостью, так что свою благодарность толстяк заслужил.

— Да, — слегка поклонился я, — конечно, ваши объяснения все прояснили. Значит, вы полагаете, унар Анри сейчас добудет себе первое место? Причем без особых усилий?

— Ха, — ментор топнул ножищей, — еще бы! Его в Дораке лучше учили... да он просто чаще шпагу в руках держал. Это ж нам, кто разбирается, сразу видно, да и повезло красавчику! С Филиппом он бы мог и не справиться, про Винченцо и говорить нечего, а ведь и он не предел! Видели б вы его родичей, я, если что, про Савиньяков. Готовые мастера клинка пришли! Я... мы здесь так, чуть-чуть подправили и готово, любого нашинкуют.

Слушать про Савиньяков мне изрядно надоело, к тому же их тут не было, и я спросил про Этьена. Там ничего хорошего не ожидалось.

— Унар Этьен... — Арамона свел рыжеватые брови, явно подбирая слова, понятные ментору описательных наук. — Ну, он старательный, не отнять, но опыта не хватает, да и сам слабоват. Шпага — дело сложное, тут все важно, да хоть длина рук! Анри выше и его рука длиннее. Ну все, смотрите, начинается!

Оба унара со шпагами в руках уже стояли в центре зала в причудливых, неестественных позах. Ярмарочные акробаты, да и только! То, что они ждут команды Дюваля, я догадался сам за мгновение до того, как она прозвучала.

— Бой! — Бойцы шагнули навстречу друг другу, порадовав зрителей «музыкальным» лязгом своих шпаг. Анри сразу пошел вперед, тесня соперника, тот начал пятиться. Боится грозного вида кардинальского племянника? Или на самом деле слабее? Вопреки утверждениям Арамона, особой разницы между унарами я не видел, но результат говорил сам за себя.

Избранные места из дневника Жерара Шабли...

— Вот, первый удар за Анри... — не преминул взяться за объяснения мой фехтовальщик, — длина руки, мэтр, как я и говорил... отбил и тут же достал... О, и сразу же второе очко! Видели этот круговой финт? Простенько, ни один опытный боец... вроде меня, не купится, но здесь сработало. Сейчас дело пойдет.

Не знаю, шло ли дело, но песок сыпался исправно, а наши дуэлянты столь же исправно топотали по служившим здесь полом черно-белым плиткам и стучали шпагами. Все происходило слишком быстро для моего понимания, но возгласы судившего бой Дюваля отмечали лишь успехи наследника Дораков. Арамона в фехтовании и впрямь разбирался, ход событий, во всяком случае, он предсказал верно. Три — ноль. Четыре — ноль. А, вот и первая неожиданность! Что там вытворил со своей железкой унар Этьен, я не разглядел, но его соперник отскочил назад, а вокруг зашумели. Возглас капитана подтвердил успех Этьена: «Четыре — один».

— Ха, — прозвучало под ухом, — совсем внимание потерял, щенок. Простейший отвод и прямой укол — а он зевает. Вот такое, мэтр, шпага не любит, нет, не любит. Слабый там противник или вовсе полудохлый, неважно. Я им все время твержу: «Не смей распускаться. Ни на миг. Чтобы умереть, много времени не нужно», ха-ха.

Получив щелчок по самолюбию, Сильвестров племянник собрался и вновь пошел вперед. «Слабак» Этьен тоже решил себя показать. Его движения ускорились, сам он перестал пятиться, а шпага заметалась во все стороны. Бойцы едва не столкнувшись, закружились по плиткам, словно в танце, и, наконец, расцепились, причем оба морщились от боли. Анри крутил плечом, Этьен потирал левый бок, а Дюваль громогласно объявил: «Пять — два»

— Надо же! — Арамона, кажется, был доволен. — Не хочет сдаваться, паршивец! Ну, «ранней смерти» уже не будет, времени не хватит.

Я глянул на часы, песка оставалось меньше трети. Что ж, проигрыш выходит не позорным, это вполне можно использовать. Подобрать подходящий повод для поединка, и использовать.

Вера Камша

— Бой! — возвестил Дюваль, и низкопробное развлечение возобновилось. Песок вытекал, оба унара старательно махали и стучали своим железом, но судя по капитанскому молчанию — впустую. Я разглядел, что Анри гримасничает и, кажется, злится, а вот его противник лицом просто закаменел. Отвлекаться и спрашивать, что все это значит, я не хотел, а Арамона, похоже, увлекся и очень некстати замолчал.

Еще немного мельтешения и лязга...

— Пять — три!

— Ха, — отмер над ухом толстый дурень, — этот малек иногда вспоминает, чему его тут учили! Поймал темп и уколол под руку. Ну, Анри сейчас совсем разозлится. Это он когда от сильных пропускает, не бесится, а от кого послабей — терпеть не может. Ба! Ну, мэтр, и чудеса! Второй раз одно и то же... Пять — четыре. Нешлохо!

То ли Дорак оказался гораздо глупей, чем думали менторы, то ли, наоборот, изощренно умен, и просто не смог поверить, что его попытаются столь примитивно обмануть — два раза подряд поймать на один и тот же трюк. Результат в любом случае был налицо. И это аристократы — «мастера клинка», которых учат чуть ли не с пеленок!

Времени оставалось всего ничего. Племянничку оставалось просто его потянуть, и вот она, победа! Или у дворян проволочки не в цене? А унар Этьен взял и пошел вперед, тесня именитого соперника.

— Господин Арамона, что же теперь?

— Пять-четыре и осталось совсем чуток! Этьен не хочет проигрывать, хоть сил-то нет почти, вон как дышит. А Дорак кругами пошел, пропустить боится, разгильдяй, и момент караулит, весь как змея сжался... Время ж вышло почти... Ох ты ж, де... воля Создателя! Попал!

Унары вновь едва не столкнулись, как дерущиеся воробьи, замерли на мгновение, уперевшись друг в друга взглядами, и разошлись, причем злой и растерянный вид Анри со всей красноречивостью показал, что попал не он.

«Пять — пять. Время поединка вышло!»

Избранные места из дневника Жерара Шабли...

— Получается, ничья? — обрушился я на Арамону, — И как же положено поступать в таких случаях? И вообще, что случилось?

— М-да уж, мэтр, интересно повернулось, — немедленно откликнулся тот. — Анри вроде бы Этьена и подловил на ложной атаке, да сам в выпаде промахнулся. По руке-то, помните, как получил? Раньше? В этом-то и дело, медленно ударил, а Этьен и уйти успел, и сам достал. Наудачу ведь колол, умник, но ведь попал! Да уж, драться надо до конца, я это всегда говорю. Последние силенки отдай, но дерись! Тогда и повезти может, вот как сейчас. А что дальше, хе-хе, капитан решит, тут его власть. Либо время добавит, либо до первого удара.

Капитан молчал, взмокшие бойцы громко дышали открытыми ртами, растрепавшиеся волосы липли ко лбам, зрелище красотой явно не блистало.

Насколько я мог понять, Этьен устал значительно сильнее пожиравшего его взглядом соперника. Что бы ни выбрал Дюваль, если бой устроят прямо сейчас, а его устроят, все старания Этьена окажутся напрасными, и казавшийся в этот миг мне особенно мерзким Дорак все равно получит свое первое место. Умом я понимал, что Этьен немногим лучше Анри и меня их дела не касаются, но возникшее чувство сопричастности не давало рассуждать здраво. Завись от меня хоть что-нибудь, я бы отдал победу слабейшему, который сумел продержаться.

— Первого в Лаик называет шпага, — хмуро напомнил присутствующим Дюваль, — но сегодня она этого сделать не смогла. К тому же болезнь унаров Винченцо и Филиппа и отказ унара Германа от боя обесценивают победу, кто бы ее ни одержал. Завтра утром унар Анри и унар Этьен в моем кабинете в присутствии отца Эразма ответят на вопросы... по словесности. Пускай первого назовет слово.

*Ночь с 24-го дня Весенних Ветров на 1-й день месяца
Весенних Волн 391 года круга Скал*

Иногда себя нужно проверять, иногда это получается само собой. Я никогда не жаловался на память, но, перечитав свой отчет о приснопамятном поединке, был приятно удивлен. Мне

удалось запомнить и передать даже те нюансы, которые я до конца все же не понял. Так одаренные музыканты записывают песни на чужом языке, они не знают слов, но им довольно мелодии. Мне пришло в голову сравнить то, что у меня получилось, с одним из эпизодов «Тени чудовища», и я принялся переводить свои заметки на гальтарику, заодно придавая им должный ритм.

Работа меня увлекла, к тому же она позволяла не думать о завтрашнем испытании. Положение, в котором я оказался по милости испугавшегося очевидного решения Дюваля, было непростым. Исходя из той тупой справедливости, к которой чаще всего прибегают, мне следовало бы узаконить очевидное. Анри заметно сильнее как фехтовальщик и достаточно натаскан в науках. В отсутствие Винченцо, за которым стояли пресловутые Савиньяки, и струсившего Филиппа он неминуемо становился первым. С другой стороны, победа на пределе возможностей имеет большую ценность, а о том, что ничья для слабейшего — это та же победа, знали уже в Гальтарах. Мог бы Этьен немедленно повторить свой успех, если б ему предоставили такую возможность? Арамона считает, что нет, но Арамона при всех своих фехтовальных умениях предельно глуп. Для него главное длина рук и сила мускулов, однако сила духа не менее важна, а достижения горячат и влекут дальше и дальше.

Дювалю следовало заставить претендентов продолжить поединок до первого укола. Воодушевленный случившимся Этьен, призвав на помощь волю, вполне мог победить, и эта победа была бы бесспорной. Зато результат перенесенного на утро испытания в любом случае подвергнут сомнению, тем паче, что свидетелей, кроме самих участников и Дюваля с Эразмом, не будет. Капитан Лаик в описательных науках разбирается хуже, чем я в фехтовании. Клирик не может не быть предвзятым, к тому же ждать от собутельника Арамоны познаний в изящной словесности не приходится. При таких свидетелях победу Анри кто-нибудь обязательно объяснит моим угодничеством. В победе же Этьена увидят крамолу, а Сильвестр, как и подобает временщику, мстителен и злопамятен.

Конечно, окажись на кону то, что мне по-настоящему дорого, я бы без колебаний пошел и против кардинала, и против

Избранные места из дневника Жерара Шабли...

короны, но главное в моей жизни еще не создано. Сколько лет я потеряю, если буду вынужден оставить Лаик с ее библиотекой и поселиться у Николь? С наукой тогда придется расстаться, мою диссертацию, как бы хороша она ни была, подхалимы в мантиях отвергнут.

Все разговоры и обещания, которыми меня напоследок потчевал Дюмени, будут забыты. Из подающего надежды ученика Сэц-Георга и наставника аристократов я превращусь в бунтовщика, лишившего наследника Дораков законной победы. И, что самое смешное, победа унара Анри в самом деле законна и справедлива, хоть и вызывает отторжение. Племянник Дорака силен, самоуверен, самовлюблен, наверняка подл и, если устранение Филиппа дело его рук, хитер. Именно такие и становятся «лучшими из фабианцев». Покажите мне хотя бы одного, чья человеческая суть была бы иной! Рамиро Вешатель, свихнувшийся от жестокости Рене Эпинэ, нынешний Алва, перерезавший в чужом доме два десятка человек и застреливший собственного командующего — вот они, «лучшие из фабианцев». Да и был ли в здешней конюшне хотя бы один достойный?

Октавия Оллара Добрым прозвали придворные льстецы, к тому же король мог позволить себе чистые перчатки, ведь у него имелся единоутробный брат, Рамиро Вешатель. Эразм Колиньяр? Честолюбец, ревнивец, преследователь научного инакомыслия, именно он окончательно превратил Академию в сообщество лизоблюдов. Его высокопреосвященство Сильвестр, в прошлом унар Квентин? Изумительный образчик талигойской знати и при этом родственник великого Дидериха, которого отец по крови счел недостойным дворянства. Вот и ответ, если вдуматься. В Лаик не нашлось место Дидериху, здесь первыми становятся самые сильные и самые подлые. Этьен несколько лучше своих, как здесь выражаются, однокорытников, он не может стать первым в этой волчьей гонке. Если, в чем лично я глубоко сомневаюсь, он со временем станет человеком, то поймет, что есть победы, которых следует стыдиться. Моя помощь, если б я захотел и смог ему помочь, не пошла бы ему впрок. Чтобы победить в конце, в начале нужно проиграть. Проигрыши, болезни, неудачи, отвергнутая и оскорбленная

Вера Камша

любовь, отсутствие добывших свое благополучие подлостью предков — все это становится ступенями лестницы, ведущей в вечность. Разумеется, пройти по ней сможет не каждый. Унар Этьен к таковым относится вряд ли, и все же я ему желаю добра.

Завтра я буду справедлив и непредвзят, как аптекарские весы. В Лаик первого называет шпага, слову остается лишь отойти и предоставить решение ей. Мои вопросы сложными покажутся разве что Дювалю с Эразмом, оба испытуемых на них ответят шутя, а дальше... Дальше капитан с клириком назначат либо победителя, либо новый поединок, а я вернусь к своей работе.

*Ночь с 24-го дня Весенних Ветров на 1-й день месяца
Весенних Волн 391 года круга Скал*

Судьба, положительно, вознамерилась превратить меня из ученого и сочинителя в записывающего по горячим следам хрониста. Не успел я перечесть и выправить мою «ватраксомахию»¹, как в дверь постучали. Я убрал свой журнал, не тронув, однако, листы с переводом, которые без слов объясняли причину моей бессонницы и, не спрашивая, распахнул дверь. Признаться, я думал, что меня вновь осчастливил Арамона, однако на пороге стоял унар Анри. Скрывать своего удивления я не стал, ведь унарам не просто запрещено по ночам покидать свои комнаты, эти комнаты еще и запирают извне. Рассказывают, что причиной стала какая-то нелепая история с бесследным исчезновением, хотя все гораздо прозаичнее. Первые унары были заложниками, и воспитатели их стерегли со всем рвением тюремщиков, что и породило нынешнюю унижительную традицию. К «Парадоксам» Лазаро я бы добавил еще один. Фабианцы кичатся своей породой и родовой честью, однако родовитые гордецы покорно, словно безмозглые скоты, сидят под замком. Я бы никогда не позволил так с собой обращаться, но попасть в Лаик мог лишь в качестве ментора, то есть того же слуги, только гра-

¹ «Война лягушек», *гальтарск.*

Избранные места из дневника Жерара Шабли...

мотного. И вот теперь ко мне среди ночи явился племянник временщика и, что гораздо хуже, претендент на первое место.

— Вы наверняка удивлены? — начал он, без приглашения вступая в мою обитель и закрывая дверь. — Тем не менее мне надо с вами переговорить.

— Извольте, — со всем спокойствием произнес я, садясь у стола, — однако я полагал, что унары ночуют под замком.

Наследник Дораков засмеялся и объяснил, что может выходить из своей комнаты и всегда мог. Мне следовало бы догадаться, что правил для подобных господ не существует, но порой я проявляю вопиющую наивность, хотя, казалось бы, пора уразуметь: в этой стране законов и правил нет вообще. Никаких. Единственные правящие Талигом законы — это сила и порожденная ею наглость. Разумеется, юный Дорак уселся, не дожидаясь приглашения, и тут же принялся излагать свое дело.

Я слушал, пользуясь возможностью разглядеть этого господина во всех подробностях в непосредственной близости, поскольку на моих уроках он имел обыкновение садиться в углу возле окна. Юный негодяй довольно-таки недурен собой, хоть и не столь ярок и привлекателен для не обремененных умом девиц, как Винченцо или супруг Ортанс. Основные достоинства Анри — это холеность, рост и развитая упражненными мускулатура, однако в нем нет ни единой яркой черты или приметы, которая позволила бы исключить мое родство с Дораками. Юность в глуши, чтение вместо прыжков со шпагой и отсутствие готовых исполнять все его прихоти слуг превратили бы будущего графа в ничем не примечательного студента, но, возможно, выражаясь словами клириков, спасли бы его душу. Сейчас спасать было уже нечего. Анри Дорак вырос самоуверенным, хитрым и подлым созданием, готовым переступить через установленные ему же подобными запреты.

При этом он не забывал напирать на то, что его претензии на первенство справедливы. Самым же неприятным для меня было то, что желания унара Анри совпадали с моими намерениями. Ему, видите ли, хотелось, чтобы уже сегодняшнее испытание завершилось ничем и соперникам вновь пришлось бы взяться за шпагу. Победа, обретенная с помощью словес-

ности, была для этого маршальского отпрыска недостаточно хороша. Его будущие приятели, собутыльники, соучастники в естественных для наших аристократов подлостях сочли бы ее недостаточной. Нет, этот довод Дорак не приводил, но он явно читался на его еще не знавшем бритвы лице. Юность отнюдь не всегда невинна и прекрасна, эта была отвратительной. Он договорил и теперь смотрел на меня, не сомневаясь в ответе. Я согласился, что для дворянина владение оружием значит больше владения словом, и спросил, не мог ли кто-либо его заметить по пути ко мне. Дорак заверил, что нет, после чего ушел, напоследок окинув цепким взглядом мой стол. Сам не знаю зачем, я объяснил, что перевожу малоизвестную юношескую драму Иссерциала. Наглец кивнул и выразил надежду, что перевод будет удачным, и что я не только не посрамлю им память Сэц-Георга, но и не задержусь в Лаик, поскольку достоин большего. Есть люди, с которыми неприятно соглашаться, но порой не согласиться нельзя. Я не желаю задерживаться в этой конюшне, и при этом я не желаю оказывать услуг родовитым мерзавцам. Что мне остается? Только проявить полную непредвзятость.

1-й день месяца Весенних Волн 391 года круга Скал

Мне легче не спать вообще, чем ложиться на три или четыре часа, пребывая к тому же в дурном настроении. Оказавшуюся бессонной ночь я закончил, приводя в порядок свои записки, и к урочному часу был более или менее спокоен. Тех, кто ставит слово ниже шпаги, пусть она и рассудит. Это и логично, и справедливо, тем более что в моем классе Этьен и Анри более или менее равны. Даже пожелаю я кому-то из них подыграть, я бы смог это сделать, лишь втянув своего избранника в заговор, и то с неочевидным результатом. Можно предупредить испытуемого о вопросах, в крайнем случае передать ему ответы, но это лишь одна чаша весов. Уберечь от ошибки одного проще, чем заставить ошибиться другого.

Позавтракать тем не менее я толком не смог, ограничившись травяным отваром и парой ломтиков сыра. Мелькнувшая

Избранные места из дневника Жерара Шабли...

было мысль зайти к Робсону и попросить у него успокоительное так и осталась лишь мыслью, поскольку явился отец Эразм. Мне оставалось лишь поправить шейный платок и отправиться вместе с ним в апартаменты капитана. По дороге выяснилось, что я прямо-таки очаровал пучеглазого Арамону, а мой приход в Лаик стал несомненной удачей для всех, поскольку от услуг моего предшественника пришлось отказаться. Разумеется, по его вине. Об испытании как таковом аспид не говорил, но намеков не понял бы лишь глупец. От необходимости отвечать меня избавила дверь в апартаменты капитана.

Соперники уже ждали в приемной, причем в разных углах. Мы поздоровались, и нас с клириком тут же пригласили в кабинет, где Дюваль принялся объяснять, как пройдут испытания. Правил на сей счет не существовало, а если в Талиге каких-то правил не оказывается, их сочиняет ближайший начальник. Капитан Дюваль, вне всякого сомнения, взял за образец любезные его сердцу поединки и объявил, что выиграет тот, кто наберет больше очков. Мое дело задать восемь вопросов, два — по истории, два — по землеописанию, два по истории словесности и два по словесности новой. После того как вопрос задан, капитан решает, кто на него отвечает, но так, чтобы в итоге четырежды первым был Анри и четырежды — Этьен. Если кто-то не знает ответа или отвечает неправильно, этот же вопрос предлагается его сопернику, затем подсчитываются очки. Таким образом, каждый участник может набрать от нуля очков до восьми, если же испытание закончится вничью, капитан примет дополнительное решение. Святой отец заявил, что это разумно и справедливо, я промолчал, поскольку моего мнения никто не спрашивал, и в кабинет пригласили унаров.

При таких правилах от меня не зависело ничего. Это унижало, однако полностью выводило из-под удара. Тем не менее я был непредвзят: вопросы по истории были равно верноподданны и легки. Затем я столь же верноподданно предложил описать врагов Талига. Анри досталась Гайифа, а Этьену Дриксен. Ожидаемо обошлось без особых глупостей, после чего дошло до словесности. Мои головастики и здесь не спло-

ховали, с легкостью отличив Веннена от Дидериха и тем самым показав, что хотя бы грамоте обучиться они были способны. Комедия предсказуемо закончилась со счетом четыре — четыре; оставалось выдать им шпаги и призвать Арамону, но Дюваль удивил не только меня и унаров, но и аспида. Капитан поправил повязку на отсутствующем глазу, что, как я узнал, было признаком волнения, и объявил, что смертоубийство, то есть, простите, испытания продолжатся на тех же условиях. Второй круг завершился так же, как и первый. Пожалуй, знай я, кому предназначен вопрос, я бы смог сбить Анри на землеописании, а Этьена на талигойской словесности. В том, что здесь называлось историей, они были равны, как и в древней словесности, пусть и на иной лад. Трудный вопрос поставил бы в тупик обоих.

В третьем круге споткнулись оба. Явно находящийся на пределе Этьен позабыл, что первый из Золотых договоров подписали не Агария и Алат, а Уэрта. Как ни странно, это его словно бы успокоило, и на следующий вопрос он ответил правильно и быстро, а вот Анри запутался в начале Двадцатилетней войны, если, конечно, запутался, а не умышленно сравнял счет, чтобы таки дорваться до шпаги. Дюваль еще раз дернул повязку и велел мне усложнить вопросы. Мне оставалось лишь подчиниться, и я предложил им различить монологи из Софимета и Иссерциала. Оба доблестно справились и с этим, заставив задуматься над тем, сколько труда пришлось затратить их несчастным учителям, чтобы вбить такую премудрость в подобные головы. Вспомнив уроки Сэц-Георга, я чуть было не предложил им опознать строки раннего и позднего Лахузы, но решил, что продолжать этот фарс уже бессмысленно, и обратился к Дидериху.

Когда счет стал одиннадцать — одиннадцать, то и дело глядевший на часы Дюваль стукнул ладонью по столу и объявил, что испытуемые должны ответить еще на один, последний вопрос, а в случае ничьей за дело возьмется Кваретти со своими звездами и формулами. Меня это более чем устраивало, оставалось только исключить любую случайность, и я пустил в ход свое ночное творение, предложив по зачитываемому монологу

Избранные места из дневника Жерара Шабли...

опознать произведение. Поскольку это было просто невозможно, оба унара должны были остаться без очков и отправиться решать задачи.

Отвечавший первым Этьен признал, что, к его великому сожалению, с данным монологом — к слову сказать, прозвучавшим просто прекрасно — незнаком. Я подавил неуместную улыбку и принялся подбирать слова, чтобы, никого не задев, раскрыть секрет монолога, после чего мне оставалось лишь поблагодарить унаров за проявленное прилежание и пожелать им успеха в следующем испытании. Все казалось настолько очевидным, что я не сразу понял ответ Дорака. А этот мерзавец преспокойно и чуть ли не с улыбкой объявил, что прозвучал отрывок из юношеской и поэтому не столь известной драмы Иссерциала, которую лично он знает под названием «Война эпиархов». Признаться, от подобной наглости я потерял дар речи. Зато его обрел аспид, многословно и с церковным завыванием принявшийся поздравлять победителя. Дюваль молчал, молчал и опустивший голову Этьен. Я еще мог вмешаться, все разъяснить и тем самым нажать смертельного врага. Поймать на лжи племенника Сильвестра означало в скором времени угодить в жернова, а я — даже не хотел, нет, я должен был довести до конца свое дело. Первое место в Лаик не стоило той жертвы, которую мне пришлось бы принести, к тому же полученные обманом награды рано или поздно мстят своим обладателям. Начавший свой путь с прямой и беззастенчивой лжи закончит его скверно, даже если сам этого не поймет.

Дюваль опустил на стол ладонь и громко произнес:

— Я завершаю составление списка фабианцев. Первым становится унар Анри, вторым — унар Этьен. Я сказал. Вы услышали.

Вера Камша

V

Талиг. Оллария

3-й день месяца Весенних Волн 391 года круга Скал

Сегодня я удостоился немислимой чести — любовался, как люди, которых велено называть «лучшими», делили сыновей, братьев, внуков и племянников друг друга. Глупейшая церемония, которая обходится казне в немалую сумму, однако не мне считать деньги его величества Фердинанда Оллара Бездарного.

Все менторы получают пропуска на площадь Святого Фабиана, но присутствовать там привилегия, а не обязанность. Шлих, к моему немалому удовольствию, еще вчера умчался к своему обожаемому семейству, а Кваретти отговорился возрастом и больными суставами. Я бы тоже предпочел уклониться от созерцания разодетых ничтожеств, но ученому и литератору приходится изучать жизнь во всех ее проявлениях. И я поехал. Разумеется, удовольствия мне это не принесло. Неприятности начались уже в тряской лаикской карете, где моими попутчиками оказались неизбежный Арамона с его собутыльником-аспидом, Робсон и рисовальщик. Компания была верноподданно озабочена самочувствием молодой королевы, по сведениям Арамоны, страдавшей не то малокровием, не то чем-то подобным. Откуда пучеглазый фехтовальщик узнал сию государственную тайну, я прослушал, но с ним никто не спорил, так что какие-то доводы он, по-видимому, привел. Аспид полагал, что королеве поможет хранящий династию Создатель, ему вторил Робсон, объяснявший, что, согласно его науке, все пройдет хорошо, если только не случится чего-то плохого, а рисовальщик то и дело вставлял, что королева прекрасна, утонченна, добра и разбирается в искусствах. Я припомнил, что Капотта упоминал что-то в этом роде, но вплетать свой голос в этот концерт счел излишним, удовлетворившись ролью слушателя.

Избранные места из дневника Жерара Шабли...

К счастью, все в этой жизни имеет свой конец, и наша карета остановилась у переносных решеток, окруживших площадь Святого Фабиана, посредине которой торчит некая архитектурная причуда, именуемая Фабиановым столпом. Расфуфыренные гвардейцы проверили наши пропуска и кивком указали нам на переполненную правую галерею. Разумеется, ведь центральную занимали Лучшие Люди.

Арамона хрюкнул «держитесь за мной» и принялся работать локтями. Благодаря этому обстоятельству нам удалось занять места, с которых было видно и шеренгу унаров, и увитую гирляндами королевскую галерею. Расстояние не позволяло рассмотреть лиц, хотя мне было бы любопытно в подробностях рассмотреть всесильного временщика и королевскую чету. Унары стояли ближе, но распознать их сверху мешали шляпы, превратившие головастиков в грибы. Зато с галереи открывался отличный вид на оседлавшего белую лошадь Дюваля, похожего на памятник самому себе.

Трубили трубы, били барабаны, гвардейцы совершали заученные и бессмысленные, как все это действие, движения, и вдруг все замерло и стихло. Через площадь медленно и важно прошествовал осанистый генерал, и я догадался, что это церемониймейстер. Он махнул платком, барабаны зарокотали вновь и к ним прибавился писк флейты. Вперед выступили двое надутых чиновников со свитками, один собирался читать, другой, вставший у переносной конторки, записывать. Еще одна хорошая мина при плохой игре, ведь все давным-давно решено.

Ликтор зачитывал список унаров, начав с того, кого сделали лучшим, хотя, по справедливости, наследник Дораков, если ставить вперед шпагу, шел пятым, а если голову, то четвертым. Тем не менее он стал первым. Если где-то и искать справедливость, то уж точно не в Лаик и не в Талиге. Оповестив мир о достижениях тридцати одного доблестного дворянина, чтец сообщил, что еще трое благородных потомков по не опорочивших их честь причинам не прошли всех положенных испытаний, и доблестный капитан Дюваль не может за них ручаться, однако если кто-то из тех, на чьих плечах держится королевство, со-

чет возможным взять их в оруженосцы, его величество изъявляет на сие свое согласие...

Фраза сия своей длиной и своим «изыществом» привела меня в такое восхищение, что я пропустил появление командора Бергмарк, оптом взявшего всех горцев, как прошедших испытания, так и отказавшегося от судьбоносной драки Германа. Последний, к слову сказать, оказался отнюдь не родичем маркграфа, как я было подумал, когда он проявил свою пусть и дикую, но строптивость. Это вызывало определенное уважение, особенно на фоне талигойских Лучших Людей, под фанфары разбиравших готовых стать жабами головастиков.

Виконта Дарзье, наследника графов Дорак, заполучил комендант Оллари граф Флашблау-цур-Мевен. Этьен, оказавшийся виконтом, внуком и наследником графа Шантэри, как и намеревался, отправился домой, а не внесенный в список Винченцо — на войну вместе с каким-то генералом Хейлом, который счел возможным обзавестись оруженосцем без ручательств Дюваля. Дальше я не слушал, запоминая для будущей книги всякие мелочи вроде пунцовых гвоздик на галерее и ядовито-алых перевязей и плащей, которыми мы были обвязаны новой королеве. Хороший вкус требовал женить короля на ком-нибудь вроде девицы Придд или Колиньяр, но вкуса у кардинала было не больше, чем совести, к тому же Дораки тоже щеголяли в алом, и засилье этого цвета временщику не могло не льстить. Я так засмотрелся на маковое великолепие, что напрочь забыл о жертве нарианского листа. Мою память освежил смаковавший каждое избрание Арамона. Оказалось, унар Филипп на церемонии не присутствовал, предпочтя заболеть еще раз, правда, вновь обретенный недуг выглядел куда пристойней предыдущего. Служить с внезапно прорезавшейся сердечной слабостью благородный дворянин, разумеется, не в силах, то ли дело какой-нибудь бедняк, готовый хвататься за любое дело, лишь бы не умереть от голода.

Особого сострадания к больному я не чувствовал, хоть и не исключал, что опасного соперника устранил разгули-

Избранные места из дневника Жерара Шабли...

вавший ночами по Лаик Анри. Наши «лучшие люди» тем и знамениты, что лучше других умеют пожирать друг друга. Впрочем, засевшие в Академии мерзавцы в мантиях ведут себя так же, а ведь мне предстоит стать одним из них! Наука в самом деле требует жертв, и это не только здоровье и молодость. Ученому, если он намерен следовать избранным им путем, приходится скрывать свои чувства и мириться с окружающей подлостью. Унар Герман мог отказаться от своего боя, я — не могу.

* * * *

Талиг. Лаик

1-й день месяца Весенних Молний 391 года круга Скал

Первоначально я намеревался провести свободную от головастика половину года в доме Форе, однако по здравом размышлении вернулся на лето в Лаик. Толстые монастырские стены должны надежно защищать от жары, которую я всегда переносил с трудом, а тенистый парк позволит гулять даже в самые знойные дни. Была и еще одна причина, но сообщать ее родным я по понятным причинам не стал. Я устал от навязчивой опеки Николь, в чью голову пришла нелепая мысль женить меня на одной из своих бесчисленных подруг и соседок. По мнению моей названной сестры, место в Лаик превращает меня в завидного жениха для любой столичной мещанки — не описать, насколько я этим польщен! Последней каплей, однако, стали верноподданные излияния моего зятя, после разрешения королевы от бремени перешедшие все границы терпимого. Габриэль был одновременно раздосадован рождением принцессы — ведь он ждал принца — и полон надежд на то, что его обожаемая маковая королева вскоре все же подарит Талигу наследника.

Меня у Николь полагают особой, приближенной к трону и, следовательно, не только всей душой преданной ав-

Вера Камша

густейшей фамилии, но и разбирающейся в дворцовых хитросплетениях. Когда мне было предложено через моих влиятельных знакомых довести до сведения их величеств, что зачатию мальчика способствуют черносмородинный сироп и предшествующее недельное воздержание, я послал за наемной каретой. Расстались мы, впрочем, очень тепло, и я, пообещав вернуться как только схлынет жара, с облегчением устроился на кожаных подушках. Некоторые люди не только не ценят одиночества, но боятся его, а ведь оно бывает прекрасно.

* * * *

3-й день месяца Весенних Молний 391 года круга Скал

В Лаик за время моего отсутствия ничего не изменилось, да и не могло измениться, ведь капитан все еще был здесь. Остальные разъехались, но Дювалю пришлось дожидаться королевских родов. Осчастливь Катарина Ариго господина Форэ принцем, начались бы церемонии, на которых капитан Лаик обязан присутствовать по долгу службы. Что его задерживало сейчас, я не представлял, но это меня особо не занимало. Я собирался привести в порядок расстроены навязчивостью родичей мысли и заняться, наконец, диссертацией, дела до начальства мне не было, однако Дюваль напомнил о себе сам. На второй день после моего возвращения я был приглашен на завтрак, который, однако, прошел почти в молчании.

Когда слуги убрали со стола, капитан пригласил меня в пустой, уже явно готовый к отъезду хозяина кабинет, велел садиться и объявил, что подал в отставку и вчера получил уведомление об удовлетворении своей просьбы. Признаться, новость застала меня врасплох. Никакой привязанности к Дювалю я, само собой, не испытывал, однако уход начальства, любого, тянет за собой неизбежные перемены. Не столь давно, узнав о скорой отставке господина ректора, я пережил краткое воодушевление, сменившееся глубочайшим разочарованием, нынешнее известие меня всего лишь насторожило. Судьба Лаик,

Избранные места из дневника Жерара Шабли...

в отличие от судьбы университета, которому я отдал несколько лучших лет жизни, меня не заботит, но я рассчитывал спокойно довести до конца свои труды. При Дювале это представлялось осязаемым, но что будет теперь?

— Вижу, вы расстроены, — капитан истолковал мое молчание по-своему. — Но я не мог поступить иначе... После того, что... Ну... То есть... Вы ведь понимаете?

Подобные вопросы ответов не требуют, но догадка у меня, разумеется, мелькнула. Логика подсказывала, что родичи Филиппа (а Феншо-Тримейны, по сведениям нашего болтуна Арамона, влиятельны и состоят в дружбе с родней королевы) отомстили за позор своего отпрыска. Как оказалось, я ошибся, потому что та глупость, которую поведал мне Дюваль, могла быть лишь правдой — выдумать подобное нельзя, даже обладая воображением Дидериха.

Дальнейший наш разговор был столь нелеп, что я решил записать его более или менее подробно. Как можно было догадаться, доверия я удостоился благодаря призрачной близости к старому Хеллевалду, что в глазах, вернее, в глазу Дюваля подтверждает мою порядочность не хуже титула. Благодарность за столь лестную оценку своей персоны я из себя все же выдавил и был вознагражден дальнейшими откровениями. Если перевести прерываемое бесконечными «ну» и «вы ведь понимаете» капитанское мычание на человеческий язык, выйдет прелестный покаянный монолог о трусости и желании солидарности справедливость, переложив груз ответственности на чужие плечи.

Дюваль начал с душераздирающего сообщения о том, что многие унары разгуливают ночами и устраивают всяческие каверзы как друг другу, так и вызвавшим их неудовольствие менторам. Такова одна из лаикских традиций, бороться с которой по мнению капитана и бессмысленно и неразумно, поскольку юность на цепь не посадить. Я догадался выразить удивление и услышал, что могу не опасаться залитой чернилами постели и лягушек в сахарнице, поскольку мои знания, ум и порядочность вызывают всеобщее уважение. Изумительная оценка, которую, увы, не направишь в Академию, где она пришлась бы

кстати. Особенно если б под ней стояла подпись Дорака, но вернусь к капитанским излияниям. Сам убив свою молодость в Торке, Дюваль ожидаемо желал видеть первым в выпуске рвущегося в армию Винченцо, а вот в оценке Анри наши мнения сходились. Бывает и такое, хотя женщины и книги не терпят мышей по разным причинам.

Капитан Лаик подозревал, что за устранением Филиппа стоит либо сам наследник Дораков, либо покровительствующий ему аспид, но доказать ничего или не мог, или, всего вероятней, боялся. Ничья, которой внезапно удалось добиться Этьену, давала возможность изменить неизбежное, и Дюваля осенила показавшаяся ему замечательной мысль втянуть в это меня. То, что это подлость, кривой глупец не понимал, как не понимает этого развратник, подбрасывающий злосчастный плод своей похоти на чужой порог. Он не убил младенца, он даже на свой лад о нем позаботился, значит, совесть его чиста, дальнейшее его не касается! Дюваль не сомневался в моей смелости и готовности вступить в бой за справедливость. Эта великолепная уверенность покоилась не только на моих связях с Хеллевальдом, о которой мне вновь напомнили, но и на оде Веннена, которую я имел неосторожность прочесть на Зимний Излом. Великолепно, не правда ли? Но капитан просчитался, хоть и не так, как ему думалось.

— Я... — признавался он, терзая многострадальную повязку, — не подумал... Для вас... важней всего... Менторы не дают присяги, но ваша совесть не дала... Не дала вам помочь Этьену... Вы решили, что это нечестно... Мне следовало... следовало поговорить с вами... Я не думал... Я думал...

Он одновременно и думал, и не думал! Великолепное противопоставление, которое я как-нибудь непременно обыграю.

— Конечно, — терпеливо согласился я, — вам следовало со мной поговорить, однако Анри и Этьен в описательных науках были равны.

— Вы не поняли... Вы их знали и могли бы... Могли придумать... вопросы, на которые бы Этьен ответил, а Анри нет. Когда стало понятно, что выходит ничья... Я попросил вас усложнить... Я думал, вы поймете... подберете...

Избранные места из дневника Жерара Шабли...

— Я сделал все что мог.

— Конечно... Наверное, у Дораков был лучший ментор, а вы не догадались спросить такое, чтобы ответил только Этьен. Я недооценил вашу честность. Простите меня!

— Охотно, — иногда приходится кривить душой, и я покривил. — Давайте забудем это недоразумение. Я надеюсь, что вы не раскаетесь в своем решении.

Раскаиваться заработавший ректорский пенсион Дюваль не собирался. Оказывается, он думал об отставке уже несколько лет, и случившееся лишь ускорило развязку.

— Понимаете, мэтр... Лаик нужны другие руки и другая голова... Здесь не все чисто... Я не про призраков и не про ночной колокол, будь они неладны, я про унаров. Тут все, как при Франциске, но это хорошо, когда есть Франциск... Сейчас нужно что-то другое. Ноймаринен... Первый маршал найдет кого-нибудь, кто сумеет.

— Вы в этом уверены? — не выдержал я.

— Ну... — уверенности капитанский глаз отнюдь не излучал. — Он — Первый маршал, он должен...

Прекрасно. Сперва я был должен восстановить справедливость, а теперь герцог Ноймаринен обязан найти того, кто наведет в лаикских конюшнях порядок. Если бы этот господин хотел что-то изменить, он бы давно отправил Дюваля в отставку, а, вернее всего, не назначал вовсе.

— Я вам для чего-нибудь еще нужен?

— Да, — рука капитана опять метнулась к повязке. — Я надеюсь, что вы... что новый капитан вас оценит по заслугам, но... Бывает всякое, иногда люди друг другу... просто не нравятся. Без причины. Если вам придется уйти, я бы хотел...

Водруженный на стол кожаный кошель с королевским гербом был внушительен, по сути, это был не кошель, а небольшой мешок.

— Это премион, — объявил Дюваль, — за беспорочную службу. Мне его прислали вместе с приказом об отставке. Я бы просил... очень просил вас принять его в благодарность и на будущее. Вы молоды... Хеллевалд, когда говорил про вас, объяснил, что наука дело недешевое. Возьмите, прошу.

— Благодарю вас, — начал я, — но...

Вера Камша

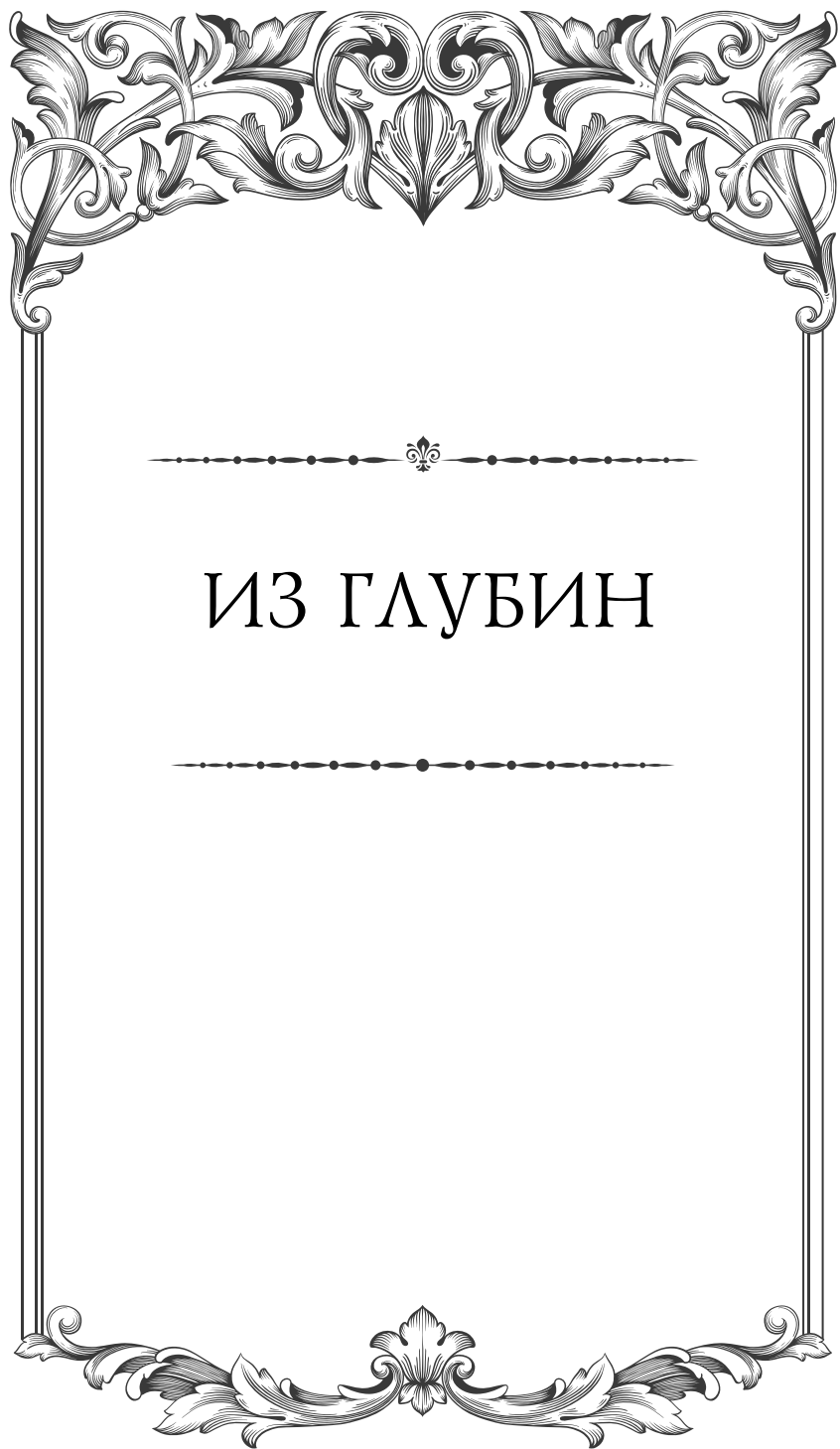
Некоторые люди всегда знают, что вы хотите им сказать, Дюваль относился именно к таким. Решив, что я отказываюсь, он принялся меня убеждать, хотя я сразу решил принять эти деньги. Хотя бы для того, чтобы они не оказались у какого-нибудь святоши или проходимца, которых бы он нашел в случае моего отказа. Капитан Лаик принадлежал к той части человеческой породы, которая полагает, что откупаться надо от всего, и прежде всего от собственной совести, впрочем, многие неспособны даже на такое. Когда капитанские доводы, наконец, иссякли, я сказал именно то, что он хотел услышать, дополнив парой строк из внезапно полюбившегося ему Веннена. Кажется, он стал почти счастлив.

Через два часа я имел возможность наблюдать, как Дюваль взбирается на свою лошадь и, не оглядываясь, отъезжает от словно бы накрытого сетью из тени и света крыльца. Свои немногочисленные вещи он, как оказалось, отправил еще вчера, задержавшись лишь для того, чтобы объясниться со мной. В какой-то мере это делает Дювалю честь, хотя разговор был нужнее ему, чем мне. Уже бывший капитан Лаик так и не научился отвечать за свои деяния и надеяния. Для душевного спокойствия ему потребовались прощение и напутствие человека, которым он пытался прикрыться. Что ж, он их получил, а я получил возможность расстаться с Лаик, если жизнь здесь станет совсем невыносима.

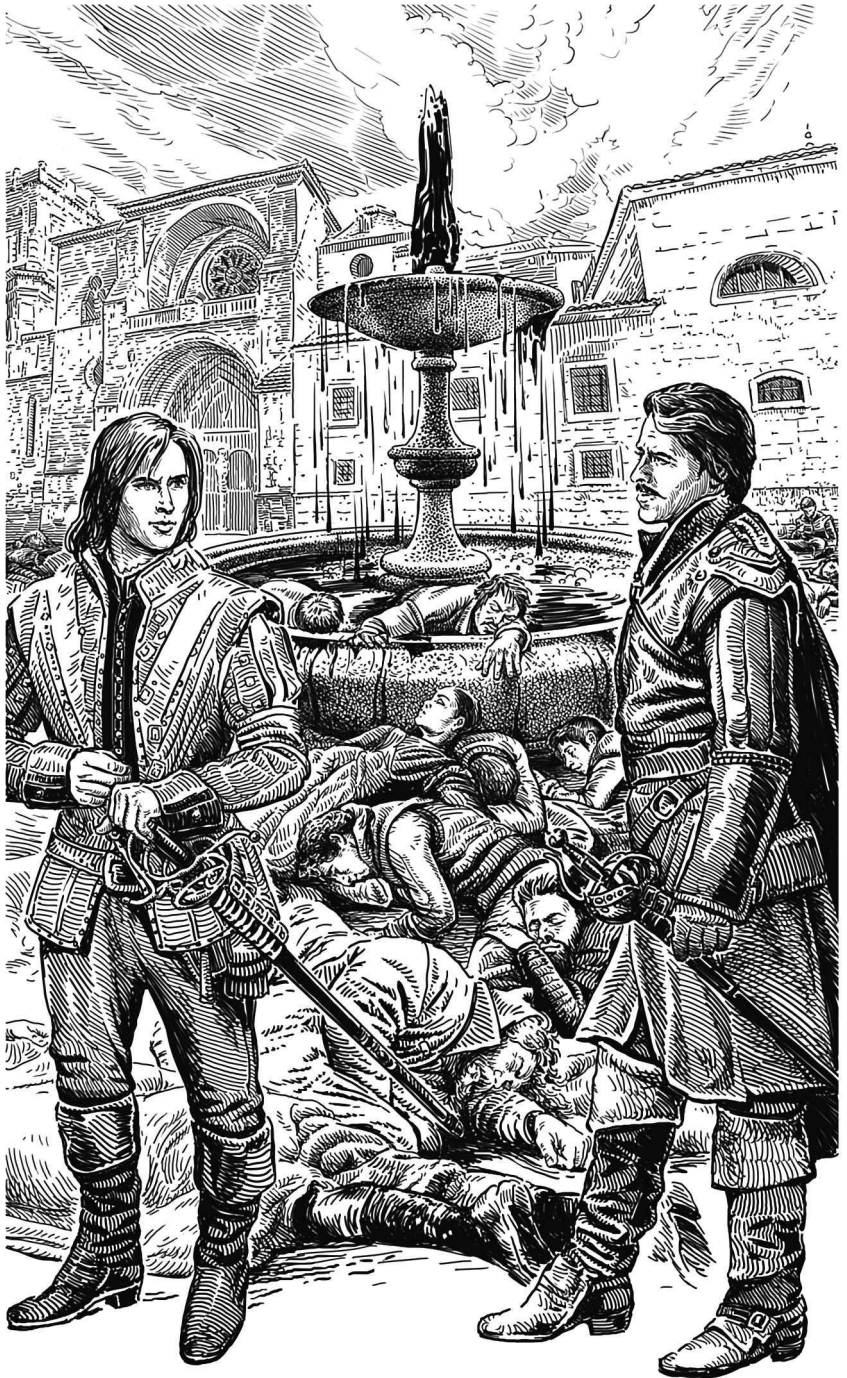
Я следил за Дювалем, пока он не скрылся среди еще по-весеннему зеленых, но уже пыльных деревьев, после чего, благо капитанские ключи теперь хранились у меня, решил внимательно осмотреть дом, начиная с обычно закрытых подвалов. Держать значительную сумму в жилых комнатах было бы опрометчиво, к тому же помнящая кабитальские времена Лаик вызвала законное любопытство и до прибытия нового капитана, по сути, принадлежала мне.

Конец тетради, помеченной цифрой «пять»

ИЗ ГЛУБИН

Звезды синеют. Деревья качаются.
Вечер как вечер. Зима как зима.
Все прощено. Ничего не прощается.
Музыка. Тьма.

Все мы герои и все мы изменники,
Всем одинаково верим словам.
Что ж, дорогие мои современники,
Весело вам?

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

*О человек, кто бы ты ни был и откуда бы
ни явился, — ибо я знаю, что ты придешь, —
я Кир, создавший персидскую державу. Не ли-
шай же меня той горстки земли, которая
покрывает мое тело.*

***Надпись на гробнице
Кира в Персиде¹***

¹ «Когда Александр узнал, что могила Кира разграблена, он велел казнить Поламаха, совершившего это преступление, хотя это был один из знатнейших граждан Пеллы. Прочтя же надгробную надпись, Александр приказал начертать ее также и по-гречески». *Плутарх*. Избранные жизнеописания.

ЧАСТЬ I

«ИМПЕРАТРИЦА»¹

¹ **Высший аркан Таро «Императрица»/«Хозяйка» («L'Imperatrice»).** Традиционно считается счастливой картой, предвещающей стабильность, гармонию, рост и процветание в самых разных областях; разумное соединение внешнего и внутреннего могущества, успехи в творчестве и делах сердечных. Некий процесс, связанный с вопрошающими, близок к успешному завершению, причем все происходит естественно, без напряжения. В обозримом будущем возможны как познание плотской любви, свадьба, прибавление в семействе, так и изменение отношений между партнерами, готовность оказать помощь, победу над эгоизмом. Иногда символизирует резкое расширение кругозора, смену поля деятельности, карьерный и профессиональный рост, обретение знаний, выход на новый качественный уровень.

ПК (перевернутая карта) довольно часто остается благоприятной картой, но успех несколько отодвигается во времени. Возможны как служебные трудности, так и семейные неурядицы, упадок творческих сил, материальные затруднения. Одного стремления к действию недостаточно, необходимо ясное осознание цели и способов ее достижения. В отдельных случаях может обозначать женщину-деспота, к тому же неспособную адекватно оценивать свои действия и просчитывать их последствия. Нередко символизирует бесполезный и безрадостный труд (в том числе домашний), упущенные возможности, неудачные попытки улучшить свое положение, чрезмерную меркантильность, плотскую связь без любви, бесплодие, депрессию, отчаянье, отрицание интуиции и голоса совести; может указывать как на чью-то месть, так и на собственную готовность к мщению.

Достоинo вести себя, когда судьба благоприятствует, труднее, чем когда она враждебна.

Франсуа де Ларошфуко

ГЛАВА I

ТАЛИГ. НОВАЯ ЭПИНЭ ТАЛИГОЙЯ. 6. ОЛЛАРИЯ

399 год К.С. 10-й день Осенних Волн

1

В алме проснулся сам, и ничего хорошего в этом не было. Ничего хорошего не было ни в запахе лаванды, исходившем от простынь, ни в сопевшем в углу рэе Кальперато. Разобрать в кромешной тьме, который час, виконт не мог, но шести точно не было, иначе Герард, не хуже петуха чуявший, когда пора вопить, уже стоял бы над душой с бритвенным прибором.

Марсель зевнул и закрыл глаза, однако темней от этого не стало. Пожалуй, темней бы не стало, даже если б их кто-нибудь проглотил. А чего вы хотите — ночь, осень, дождь, и это не считая собственной глупости! Виконт лежал, слушал, как барабанит о подоконник не унимающийся ливень, и пытался понять, за какими кошками его понесло за Вороном, да еще таким аллюром. Куда было спешить, если в итоге они позорно застряли в омерзительном при всех своих достоинствах трактуре? И это не говоря о том, что спасти Фердинанда всяко бы не вышло, Рокслея и так проучили, а где болтаются Алва с Луджи, знал разве что Леворукий. Он же знал и то, чем заняться

офицеру для особых поручений при особе после бегства оной особы, но по своей злокозненности не говорил.

Пытаться заснуть вновь было глупо, а будить Герарда — жаль, хотя это стало бы прекрасной шуткой: наследник Валмонов будит Герарда Арамону, тьфу ты, рэя Кальперадо! Рокэ не поверит... Ну и пусть не верит, лишь бы отыскался! Офицер без особы мрачно потянулся, нащупал ногой колючий коврик, встал и принялся натягивать дорожное платье. О свечах, зеркалах и камердинерах он вспомнил, лишь застегивая манжеты. Увы, знаменитый щеголь и сибарит безбожно опростился, и, похоже, навсегда. Путешествовать всего с двумя сопровождающими, и то приبلудными! Отец удивится, но, пожалуй, одобрит.

Трактир, в котором так толком и не решившая, куда она все-таки едет, компания третий день слушала обнаглевший дождь, упорно соответствовал первому благоприятному впечатлению. Дверь открылась, не скрипнув, в общем коридорчике горел свет, с первого этажа тянуло чем-то вкусным, а на лестнице обнаружилась миловидная пышка в фартучке и чепце, даже не слишком заспанная.

— Доброй ночи, моя радость, — подмигнул толстухе виконт, унимая проснувшееся вместе с ним раздражение, — который час, не скажешь?

Радость захлопала темными глазками и тоненько хихикнула.

— Восемь с четвертью, сударь.

Восемь?! Выходит, он-таки проспал, хоть и не столь пошло, как Герард. Мало того, он встал раньше обоих спутников, а это должно что-то... предвещать.

— Спасибо, — Валме ухватил служанку за круглый подбородок. — Как тебя зовут, ежевичинка моя?

— Лиза, — мурлыкнула девица и потупилась, явно ожидая продолжения столь блистательного знакомства.

— Отличное имя, — похвалил виконт, — но мне нужны шадди, горячая вода, завтрак на троих и лошади.

— Лошади? — явно расстроилась Лиза. — Сударь, все ж размыло... Не проехать.

Из глубин

— Что значит «всё»? — менторским тоном спросил Валме, мгновенье назад не помышлявший бросать вызов небесам, однако те ниспослали знак. Проснуться раньше даже не Давенпорта — Герарда, и смиренно сидеть под мокнущей крышей? Немыслимо.

— Я, кажется, спросил, что значит «всё»? — дабы смягчить суровость, Марсель сделал над собой усилие и совершил то, чего, без сомнения, ожидала толстушка, а именно ущипнул ее за тугой бочок.

— Ну... Свиной овраг сейчас хуже реки... Право слово, сударь, потонуть можно.

— А не свиные овраги у вас есть?

Оказалось, нету, потому что всяко придется спускаться с холмов, а вода, чтоб ее, свинским образом течет вниз и устраивает лужи, озера и болота, в которых если не тонут, то вязнут. Вода осенью — это мокро, холодно и тоскливо, но виконт уже закусил удила. Если нельзя ехать вперед, можно поехать назад, а потом свернуть к Кот-Роти. Там добывают песок, а песок не раскисает.

— Сударь, — напомнила о себе служанка, — об эту пору за- всегда льет.

— Вот видишь, Лиза, — поднял палец виконт, — дождь не прекратится, так что прекратимся мы, разве что... Мне нужно написать письмо. Письменные принадлежности у хозяина найдутся?

— А как же сударь, — девушка в который раз хихикнула, — они много пишут и встали уже... В голове-то все не удержать, с таким хозяйством-то! Одного овса сколько покупают...

— Есть головы, — не мог не уточнить Валме, — в которые помещается все, включая овес и мировую скорбь. Нет, я говорю не о себе.

2

Первый маршал великой Талигойи не обязан самолично чистить лошадей, но что делать, если жизнь стремительно превращается в пляску среди не то тухлых яиц, не то ядовитых змей? Тут сбежишь даже не на конюшню, на кладбище. Покойники

ни о чем не просят и ничего не требуют, а выходцы... Живые бывают и отвратней, и опасней.

— Ну что? — тоскливо спросил герцог Эпинэ своего полумориска. — Что скажешь?

Дракко ответил коротким фырканьем и чувствительным тычком в плечо. Роберу почудилось, что в переводе с лошадиного это значит: «Хватит умереть, пора отрезать».

— Уверен? — Рука герцога скользнула по огненной гриве, такой же, как у жеребца из видений. Дракко еще разок фыркнул и прихватил хозяина за ухо. Не больно, а в шутку. В отличие от маршала конь был в отменном настроении и желал одного — пробежаться.

— Успеешь, — одернул Эпинэ расшалившегося друга, — мы с тобой еще погуляем, а сейчас мне нужно еще кое к кому..

«Кое-кто» прижал уши, однако войти позволил. С визитами Робера Моро смирился, но больше не подпускал к себе никого. Даже тех, кого знал по прошлой жизни. Королевские конюхи, воспринявшие смену власти с философским спокойствием, обходили черного демона по стеночке. В их присутствии мориск не желал ни есть, ни пить, глядел зверем и норовил врезать любому, до кого удавалось дотянуться.

Конечно, управа бывает и на таких: жажда сломит любую лошадь, но Эпинэ наорал на умника, предложившего оставить строптивца без воды. Робер не мог предать Моро, ведь он был тенью клятвы, о которой знали лишь Повелитель Молний и Повелитель Ветров. По крайней мере, Роберу хотелось думать, что Алва знает. И герцог Эпинэ самолично таскал ведра, возился со скребницей и проминал осиротевшего жеребца, несмотря на ревность Дракко и скрытые ухмылки конюхов, вбивших в свои дурные головы, что некоторым приспичило прибрать к рукам чужого коня.

— Здравствуй. — Маршал Талигойи медленно протянул руку к лоснящейся шее. Моро не отшатнулся, но и не потянулся вперед, оставшись стоять, как стоял. Жили только глаза, да вбирали знакомый, но все равно чужой запах влажные ноздри. Гематитовая статуя из мертвого города, которая вдруг почти ожила.

— Есть будешь? — спросил Робер, он всегда спрашивал, хотя Моро никогда ничего не брал из рук. Не взял и сейчас. Эпинэ выждал пару минут — пусть очередной раз привыкнет к неизбежности — и, взявшись за недоуздок, велел приниматься за уборку. Мориск коротко и зло всхрапнул, превратившись на мгновенье в живую лошадь. Робер с радостью бы забрал сироту к себе, но жизнь Первого маршала Талигойи протекала где угодно, только не в родовом особняке. Оставить жеребца там означало обречь его на заточение в деннике, от чего даже лучшая лошадь за месяц выйдет из порядка¹. Эпинэ выбрал меньшее из зол и водворил подопечного в дворцовые конюшни. Альдо это не нравилось, Моро тоже.

— Монсеньор, осторожней!

Никола... Разыскал-таки! От некоторых удрать не проще, чем от судьбы.

— Ерунда, — Эпинэ скосил глаз на вновь окаменевшего мориска, — смерть от лошадиных копыт мне не грозит.

— Так то от лошадиных, — скривился южанин, — а эта зверюга впору разве что Леворукому.

— Ничего он мне не сделает. Что случилось? Ведь прошил же...

— Велено к полудню проинспектировать городские казармы и доложить.

Раз «велено», значит, речь о его величестве Альдо Первом Ракане. Никола, хоть и прыгнул из отставных капитанов Талига в генералы Талигойи, благодетеля откровенно недолюбливал, вот и избегал называть по имени, не говоря уж о титулах. А Робер так же упрямо называл, поскольку считать Альдо другом мог уже с трудом. Когда-то это получалось само собой, но чем дальше, тем больше напоминало вранье.

Эпинэ угрюмо глянул на суетившихся конюхов, и те, не дожидаясь окрика, замахали вилами еще чаще. Казармы казармами, но не стоять же Моро целый день среди навоза. Никола промолчал, но Робер поймал довольный взгляд — маленький

¹ Вышла из порядка (*спец. термин*) — лошадь стала вялой, потеряла аппетит, неохотно движется во время тренинга, снизила упитанность, стала хромать и т.д.

генерал откровенно радовался, что его «Монсеньор» не мчится, задравши хвост, исполнять приказ. Любопытно, что выбрал бы Карваль, оказался он между Альдо и Вороном? Между вроде бы старой дружбой и чем-то, что сам не знаешь, как назвать.

3

— *Что происходит в городе? — Первый маршал Талига смотрит на встречающего его тенъента. Вороной конь зло прижимает уши и долбит копытом плиты двора. Смуглые солдаты в беретах молчат и ждут. Чего?*

— *В городе волнения, — объясняет тенъент Давенпорт. Он командует ночным караулом и знает, что творится в столице, то есть ему кажется, что знает. — Они охватили Нижний город...*

— *Тогда почему вы в казармах?*

Почему? Чарльз не знает ответа, но он слышал, как полковник Ансел спорил с Мореном, а потом прошел к коменданту. Через десять минут Ансел вернулся и скучным голосом отчитал сержанта за дурно вычищенные мушкеты. Ворота закрыли, солдат погнали на плац. Гарнизон Оллариш под несмолкающие колокольные вопли отрабатывал парадные повороты. До одури, до полного оупения.

Из-за стены тянуло дымом, орала взбудораженные птицы, по синему небу ползли черные полосы. Кто-то колотил в ворота, громко и отчаянно. Колотил и кричал, а они маршировали. Потом трубачи заиграли отбой, настало время ужина, и они отправились ужинать... Килеан-ур-Ломбах аккуратно резал ножом жареное мясо и говорил о диспуте в Нохе и о парадных алебардах нового образца, Морен отвечал, Ансел хмуро слушал, что делал он сам, Чарльз не помнил. Может, даже ел.

«Почему вы в казармах?» Бесстрастное лицо, ровный голос, белые парадные перья, а перчатки черные, походные. Чарльз Давенпорт первый раз видит Кэналлийского Ворона так близко. На Первом маршале Талига шикарный, с иголки, мундир и белый плащ, из-за атласного плеча таращится встрепанный мальчишка в кирасе. Кирасы и на сопровожда-

ющих Ворона кэналлийцах, но сам герцог не унизился до забот о собственной шкуре.

— Господин комендант не счел нужным. — Килеан-ур-Ломбах — снулая рыба, дурак, зануда, очень может быть, что подлец, но он старший. Старший, раздери его кошки! Что останется от армии, если наплевать на приказы? А что останется от совести, если выполнять все, что велят?

— Где он? — Небо за спиной Алвы отливает багровым, муторно и тревожно пахнет гарью.

— В своих апартаментах. — Господин комендант велел его не беспокоить, но говорить об этом нельзя. Истинная правда тоже бывает доносом.

— Прекрасно. — Равнодушный взгляд, ровный голос, и кто только сказал, что у южан все написано на лице? — Поднимайте людей, тенъент. Приказ Первого маршала. Идемте, Ричард, поговорим с господином комендантом Олларии.

Ричард? Конечно же! Ворон взял в оруженосцы сына Эгмонта Окделла, и тот пошел. Год назад младший Рокслей от этой новости чуть с моста не свалился, теперь все привыкли.

Сын мятежника растерянно вертит головой. Откуда ему знать, где комендантские апартаменты? Чарльз хочет показать, но герцог отмахивается от помощи, как от уличной собачонки.

— Я знаю дорогу, тенъент. — Белые перья и черные перчатки, безупречная вежливость. Крик или пощечина не унижают, унижает пренебрежение. Кто Алва такой, чтоб судить о других, судить и выносить приговор?! Корнет Окделл тоже задирает голову и крутит носом. Куда ворон, туда и воробей.

— Через полчаса гарнизон должен быть готов, — велит господин Первый маршал. — Одежда — парадная, кирасы и шлемы — боевые.

Хлопает дверь, это выскочили полковники. Оба. Кто им сказал? Караул вот он, здесь...

— Полковник Ансел, полковник Морен, прошу за мной, — Алве не до младших офицеров, начальству тем более, они уходят вчетвером, надо полагать, к Килеану.

Вера Камша

Если б не Ансел с Мореном, Чарльз не удержался бы, ответил, и гори все закатным пламенем, но время упущено. Для слов, не для выстрела. Захоти кто всадить в Ворона пулю, это труда не составит...

Давно прошедшая ночь в Олларии не была сном, и памятью тоже не была, память хотя бы иногда замолкает, а оборванный разговор таскался за Чарльзом Давенпортом, как неотвязный сказочный пес — пинай, не пинай, не прогонишь. Оставалось либо попытаться уснуть, либо, наоборот, встать, но что делать среди ночи в придорожной гостинице? Вином и девицами запасаются с вечера, а разбудить Валме? Что он ему скажет? Что второй год держит в руке невидимый пистолет и думает — нет, не о том, чтоб выстрелить, о том, что не следует поворачиваться спиной к тем, кого оскорбляешь...

Отognaвшему жгучую память стуку тенъент обрадовался не сказано, кто угодно, только б рассеялся валяющий из прошлого, будто из трубы, горький дым. Давенпорт повернул ключ, и не подумав спросить, кого принесло, но это оказался Марсель, совершенно одетый и отчего-то с чернильным прибором.

— Ставлю вас в известность, — объявил он, переступая порог, — что сейчас будет шадди, через час завтрак, а еще через час я отбываю в Тронко, а рэй Кальперадо — в Фелып к маршалу Лэкдеми.

4

Глупо звякнули вилы. Конюхи закончили работу, и Робер кивнул — уходите. Здоровенные дядьки бочком скользнули за дверь, казалось, они боятся не столько Моро, сколько чего-то, чего сами не понимают. Иноходец тоже многого не понимал и еще большего боялся. Боялись многие — заливающие страх вином солдаты, ошалевшие от ужаса горожане, шарахающиеся от людей псы. Боялись и ждали то ли зимы, то ли беды, то ли того и другого.

— Никола, — окликнул Робер, предвкушая очередной неприятный разговор, — принесите воды. Я его держу.

Карваль без лишних слов приволок четыре ведра, вылил в каменную колоду и поспешно отступил. Робер выпустил не-

доуздок, Моро передернул ушами, но к воде не потянулся. Не хотел, чтобы видели его пьющим, сдавшимся, сломленным, людям бы такую гордость и такую верность! В последний миг Эпинэ сдержал желание растрепать смоляную гриву. Нет, Повелитель Молний не боялся, что конь его покалечит, просто это было чем-то, на что он не имел права. Все равно что лезть с любезностями к жене угодившего в беду друга... Может быть, потом, когда он расплатится с долгом, он и попробует приласкать Моро. С разрешения хозяина...

— Идемте, Никола. Что нового? Дождя нет?

Сейчас Карваль в сотый раз спросит, когда они вернутся в Эпинэ, и в сто первый услышит про присягу, хотя дело не в ней. Нельзя бросать столицу на милость обалдевшего от победы вертопраха и падальщиков, которых становится все больше

— Нет, Монсеньор, — лицо Карваля стало еще более жестким, — дождя нет. Пришлось повесить пятерых мародеров, на сей раз из полка Окделла. Бывшие люди Люра.

Пятерых поймали, а пять тысяч живут в свое удовольствие. Леворукий, ну как объяснить Альдо, что король в своей стране не завоеватель, а хозяин?! Грабят те, кто не надеется удержаться, но ведь сюзерен уверен, что пришел навсегда... И делает глупость за глупостью.

Конечно, можно махнуть на все рукой и удрать. Мятеж, ибо как еще назвать то, что случилось, захлебнется в своей и чужой крови, только они к этому времени будут далеко. Из Старой Эпинэ можно попробовать договориться с Савиньяками или хитрюгой Валмоном, а не выйдет — удрать в Алат к Матильде...

— Никола, я должен вам сказать раз и навсегда, что не уйду из Оллари. По крайней мере, пока не прекратятся грабежи.

А прекратятся они, когда «победителей» вышвырнут из столицы к кошачьей матери!

— Монсеньор! — Карваль резко остановился — борец за великую Эпинэ не мог на ходу говорить о том, что его волновало. — Монсеньор, я бы счел бесчестным бросить жителей столицы на произвол судьбы. Кроме нас их защитить некому, ублюдки северяне горазды только грабить и предавать.

У Никола во всем виноваты «ублюдки-северяне», хотя среди мародеров северян почти нет. Уроженцы Ноймаринен, Бергмарк, Южной Марагоны испокон веку шли в северные армии, а в принявшей сторону Альдо Резервной большинство составляли обитатели центральных графств, только для Никола все, что не юг, то север. Впрочем, для бергерров юг все, что не Торка.

— Карваль, — Робер взял маленького генерала под руку, — я намерен просить у его величества особых полномочий для себя и место коменданта Олларики для вас.

Никола в ответ уставился на свои сапоги, и Робера осенило, что бывший капитан Старой Эпинэ похож на молодого бычка, сильного, упорного и все равно в чем-то смешного.

— Я готов, — упрямец, усугубляя сходство, с шумом выдохнул, — но у вашего Ракана можно только требовать.

Требовать и вовсе бессмысленно, ведь его величество вообразил, что ему принадлежит весь мир. Сюзерена разуверит только армия фок Варзов в предместьях Олларики, да и то не сразу, но виноват не Альдо, а тот, кто начал, то есть герцог Эпинэ. Можно криком кричать, что ты не хотел, не собирался, не думал, толку-то? Это Создатель зрит намерения, люди живут проще: сделал — отвечай. Или беги, если у тебя нет совести.

— Нечего нам было забираться за Кольцо Эрнани, — не удержался Никола, — пусть бы сами выкарабкавались. Только раз зашли, нужно держаться и думать, как быть дальше.

— Да, — эхом откликнулся Иноходец, — нужно думать.

И не только думать, но и делать. Спасать город, горожан и тех солдат, которые просто выполняют приказы. И растерявшихся тоже надо спасать, и запутавшихся в чужих делах и делишках, а еще есть Багерлее, свора рвущихся выслужиться лизоблюдов и, как следствие, ворохи кляуз и жалоб в новой канцелярии. Когда сволочь жрет друг друга — не беда, но доносят и на непричастных, лишь бы наверху заметили... усердие и оценили.

Савиньяку Валме написал в комнате Давенпорта, но бриться в гостях, даже таких, было бы слишком, к тому же требовалось успокоить растрепывавшегося Герарда. После пропажи мар-

шала исчезновение офицера при особе производит удручающее впечатление, а Валме удручать не любил. Ключ виконт поворачивал с чувством некоторой вины, однако рэй упорно спал, и это переходило уже все границы. Ну, погоди же!

— Утро, сударь! — гаркнул виконт, срывая с сони перинку. Опозорившийся изверг с жалобным кукареканьем подскочил на своем тюфячке, и Марселю впервые за последние дни стало смешно.

— Простите, — юнец явно собрался провалиться сквозь землю или хотя бы сквозь дощатый пол, — я не думал, что...

— И не думай, — перебил Валме, открывая ставни и впуская в комнатку что-то вроде рассвета. — По крайней мере до Мюлиса. Там наши пути разойдутся, ты отправишься в Фельп, отвезешь мое письмо маршалу Эмилю и расскажешь про столичные безобразия, если он еще не знает.

— Да, сударь, — печально моргнул рэй, — а вы?

— Наш с тенъентом Давенпортом путь и далек, и долог, — ушел от прямого ответа Валме и принялся зажигать свечи, стараясь делать это на кэналлийский манер.

Что за кошки пихают его в спину, виконт сам не понимал: не все ли равно, доберутся они до Тронко днем раньше или четырем позже. Дядюшка Шантэри полагал спешку вредной для здоровья, герцог Фома во время прощальной аудиенции был слегка озабочен, не более того, а вот Марсель не находил себе места. Или, наоборот, нашел. Рядом с Вороном. Прицепился к Первому маршалу, а тот возьми да и умчись, ничего не сказав, главнокомандующий называется!

Без Алвы жизнь сразу же стала скучной, потому что спать, чесать языком, танцевать и ухаживать за хорошенькими женщинами приятно, когда есть дело, от которого можно увильнуть. Когда же дела нет, праздность теряет всякое очарование. Да, разумеется, причина в этом и только в этом, а предчувствия оставим девицам в розовом. Или в голубом. Что еще делать Елене с Юлией, как не предчувствовать и не шить туалеты к мистериям? Дочки Фомы были славненькими, но до Франчески Скварца им было далеко. Вот кому бы пошел наряд Элкимены! Розовая, нет, пурпурная туника, золотые сандалии,

Вера Камша

кованный пояс с шерлами... Этим стоило поделиться, и Марсель сочинил фельпской вдове длиннющее письмо. Сочинил, но не написал, потому что писать, не получая ответов, глупо, а Марсель не желал выглядеть дураком, тем более в столь прекрасных глазах... Глаза Эмиля Савиньяка наследника Валмонов не волновали, зато напомнить через него о себе было вполне удобно. Вежливость, не более того.

«Если увидишь вдову Скварца, — как мог небрежно приписал к, по счастью, еще не запечатанному посланию виконт, — засвидетельствуй ей мое неизменное восхищение и извинись за молчание. Есть дамы, которым можно присылать лишь совершенные стихи, а нынешние события если и располагают к поэзии, то исключительно к хулительной. Просить тебя позаботиться о подателе сего письма не буду, поскольку рэй Кальперадо вручается тебе согласно приказу Первого маршала Талига, коий ты, вне всякого сомнения, уже получил стараниями графа Шантэри, да пребудут с ним лучшие паштеты Ургота»...

— Ваша вода, сударь! — пропело от двери, возвращая расписавшегося виконта к осенней прозе. Давешняя красotka успела переодеться в платице с разлапистыми малиновыми астрами — это было ужасно.

— Ставь на подоконник, — велел виконт, но, поймав взгляд Герарда, понял, что излишне краток. — Как тебя зовут, малиновка?

— Лиза, — хихикнула носительница астр, и Валме осенило, что имя он только что спрашивал.

— Помолись за нас, Лиза, — виконт выгасил из кармана несколько суанов и, заглаживая неловкость, сунул за низко вырезанный корсаж, — только не сейчас. Сейчас завтрак. Внизу.

Лиза, крутанув бедрами, исчезла, Марсель зевнул и потянулся к бритве. Без сомнения, красotka приняла забывчивость за шутку, уверившись, что, будь столь щедрый кавалер один, лежать бы ей в постельке, да не за серебро, а за золото. Смешно... Если б не Герард, он бы на эту пампушку второй раз и не глянул, но не выказывать же тревогу при младшем по званию. Вот и приходится изображать себя самого. Позавчерашнего!

Из глубин

Офицер для особых поручений при особе Первого маршала Талига поморщился и намылил щеку: как бы виконт Валме ни опростился, до бороды он не докатится. Валмоны не Люди Чести и не козлы.

— Сударь, — дернулся Герард, — вам помочь?

— Вот еще! — Проклятье, приучил людей к болтовне, теперь хочешь не хочешь, трещи, как сорока. — Бросал бы ты лакейские замашки. Тебя что, рэем сделали, чтоб ты тазы с водой таскал?

— Сударь...

— Сам ты сударь, — отмахнулся Марсель, пробуя пальцем бритву.

Рэй Кальперадо захлопал глазами и притих. Задумался, надо полагать. Парнишка за Алву в огонь прыгнет, не чихнет, но пока во что-то вроде огня прыгнул Рокэ. Один! А они, тапоны¹ эдакие, были рядом и ничего не поняли, пока письма не нашли. Ничего!

Вернулась Лиза. Хихикнула, сообщила, что кушать подано и «господин Даверпот» уже вышли к столу. Валме одобрительно кивнул, благо бритве позволяло обходиться без речей, и занялся своей изрядно осунувшейся физиономией. Вот так начнешь с желания гульнуть и прихвастнуть шикарным знакомством, а кончишь войной, которую не прекратишь, пока жив. Даже если тому, кто тебя в это втянул, ты не нужен, даже если вы больше не встретитесь.

¹ Слепое, похожее на крота животное, ведущее подземный образ жизни.

ГЛАВА 2

ТАЛИГ. СЕВЕРНАЯ ПРИДДА ТАЛИГОЙЯ. 6. ОЛЛАРИЯ

399 год К.С. 12-й день Осенних Волн

1

Из осенней мглы закатным мороком проступили шпили аббатства Святого Хорста. На излете Двадцатилетней войны Михаэль Ноймаринен и Алонсо Алва не пожалели золота для усыпальницы погибших в начале бойни. Под сводами из лучшего кэналлийского мрамора нашлось место и для Ги Ариго, если похороненный со всеми почестями изломанный скелет в самом деле принадлежал повешенному уже после смерти генералу. Из заступившего дорогу дриksam отряда уцелело четырнадцать человек, до победы дожило двое — успевший стать герцогом Михаэль и получивший баронство капрал-южанин...

— Мой генерал, — незнакомый голос был усталым и хрипловатым, — разрешите представиться. Полковник Ансел. Приказ регента.

Жермон оторвал взгляд от вызолоченных игл, сшивавших прошлое с настоящим, и обернулся. Подъехавший полковник был немолод и спокоен, как и положено человеку, выведшему гарнизон из захваченного предательством города. За спиной Ансела блестели черные глаза виконта Сэ.

— Рад знакомству, полковник, — первым протянул руку Ариго. — Что за приказ?

— Монсеньор поручил мне временно принять авангард, — рукопожатие вышло крепким. — Вам в сопровождении тенъента Сэ надлежит незамедлительно отправиться в резиденцию маршала фок Варзов. Вот рескрипт.

Жермон кивнул и развернул приказ, в котором, кроме печати и подписи, имелось лишь семь слов: «*Сдай командование Анселу. Жду в Вальдзее. Срочно*». Рудольф не страдал бумажным многословием и никого не торопил зря.

— Что-то случилось?

— Не имею достоверных сведений, но полагаю, что да, — предположил Ансел. Есть ли у него родичи или только друзья и сослуживцы? Ариго взглядом попрощался с золотыми шпильками и лежащим под ними предком и привычно подкрутил усы.

— Ансел, представляю вам полковника Карсфорна, он все объяснит. Гевин, я на вас надеюсь. Едем, тенъент.

Карсфорн дотошен, как четыре бергера, вдвоем с Анселом до Гельбе как-нибудь доберутся, а что дальше — сам Леворукий не знает, а знает, так не скажет, поскольку вражина и насмешник. «*Жду в Вальдзее...*» Регент счел возможным отстать от армии и выдернуть командующего авангардом. Дело плохо или, наоборот, хорошо?

— Арно!

Закатные твари, половину Савиньяков звали Арно, а до старости дожил лишь пасынок Алонсо. Один за всех.

— Мой генерал?

— Регент в Вальдзее?

— Я оставил его утром в Абентханде. — Тенъент умело развернул буланого мориска, пропуская здоровенную фуру. — Это три часа кентером до Вальдзее.

— Знаю, — еще бы ему не знать Северную Придду! — Фок Варзов в Гельбе?

— Насколько мне известно, в Хексберг. По крайней мере, регент послал курьера именно туда.

Старик покинул Гельбе. Это может значить лишь одно: дриксы решили начать с оставшейся без флота крепости. Удачный момент, ничего не скажешь. Взяв Хексберг, его вели-

чество Готфрид положит в карман всю Приморскую Придду, а Западная армия очутится в мешке. Весело!

Граф и виконт конь о конь ехали вдоль марширующих мушкетеров и артиллерийских запряжек. Скрипели колеса, фыркали кони, переговаривались и напевали возчики. Рудольф перебрасывал из Ноймара в Придду то, что называлось личными резервами Проэмперадора Севера, а на деле было пусть небольшой, но отменной армией, которую содержали герцоги Ноймаринен. Теперь оставшийся за старшего Людвиг может рассчитывать разве что на Бергмарк, а что, если полезут и туда? Принц Фридрих упрям и завистлив: куда Ворон с когтями, туда и «гусак» с перепонками.

— Своего Давенпорта ты куда дел?

— Генерал Давенпорт выдвигается в Гельбе.

Хексберг, Гельбе, Агмарен... Агмарен, Гельбе, Хексберг... Хочешь не хочешь, силы дробить придется, а резервов теперь не дождешься. И пушек новых не дождешься, и фуража...

— Мой генерал, поворот на Вальдзее!

— Ты здесь впервые?

— Да, сударь.

Двадцать лет назад все было наоборот. Почти наоборот. Генерал Савиньяк и потерявший имя и отца тенъент. Арно-младшего еще не было на свете, Арно-старший сказал «забудь и войю». Жермон Ариго воюет до сих пор и останавливаться не собирается.

— Красивое место, — генерал привстал в стремени, приветствуя гранитную стелу с неуместной среди лесистых холмов косаткой, — и замок красивый. На юге строят иначе. Ты давно был в Сэ?

— Перед Лаик, — Арно улыбнулся немного виновато. — На Зимний Излом мне обещали отпуск, но теперь отпусков нет. Вы знаете, что Сэ сожгли?

Розовое от заката озеро, мраморный олень у самой воды, изящные башенки с флюгерами, алатские шпалеры и книги, книги, книги... Арлетта Савиньяк обожала книги и сыновей.

— Что с матерью? — Вдова маршала любила Сэ больше прочих имений. — Она была там?

— Мама в безопасности. Она уехала в Савиньяк, успела... Так говорит барон Райнштайнер, писем я пока не получал.

— Если Райнштайнер что-то говорит, — подтвердил Жермон, — так оно и есть.

— Да, мой генерал, — тенъент Савиньяк доказал, что умеет держать субординацию, и теперь был не прочь поговорить. — Вы не думаете, что Дриксен или Гаунау усилят натиск на перевалы?

Иными словами, не прорвутся ли «гуси» в Ноймаринен, откуда ушли войска. Арно-старший так бы и спросил, но нынешние Савиньяки еще и Рафиано. Сразу и дипломаты, и вояки...

Жермон поймал выжидающий, серьезный взгляд. Виконт Сэ хотел знать все и наверняка, граф Ариго тоже бы не отказался, но ясновидцы водятся только в сказках.

— Ноймаринен, Агмарен и Бергмарк держатся много лет. — Это очевидно, но порой об очевидном следует напоминать и другим, и себе. — Правда, болван Фридрих не прочь покрыть себя славой, но зима защитит перевалы лучше любой армии, а к весне в Ноймаринен наберут несколько новых полков, да и бергеры поднимут тысяч десять-пятнадцать. Торка отобьется, это в Придде может по-всякому повернуться.

— Да, раньше у фок Варзов было не тридцать четыре тысячи, а все пятьдесят.

Что мысль усилить Надор и экспедиционную армию за счет Западной оказалась не лучшей, полу-Рафиано умолчал, однако сие было написано у тенъента на носу, и Жермон не мог не объяснить:

— Перераспределение сил казалось разумным. Твоим братьям требовались обстрелянные полки, а не набранный в окрестностях Олларии сброд. Нам очень повезло, что Лионель успел разбить Кадану и перекрыть восточные проходы из Гаунау. Другое дело, что резервы из Олларии нам больше не светят, но Двадцатилетняя война началась еще хуже.

— На границах хуже, — уточнил полный тезка героя битвы при Каделе, — не в столице.

— В Олларии тоже бывало по-разному, — усмехнулся Жермон. — Алонсо королевского братца не просто так рас-

стрелял, но ты прав, Излом нам еще тот достался. Ничего, выпутаемся.

— Конечно! — расцвел тенъент. Он был умницей, потомком маршалов и экстерриоров, но ему не исполнилось и двадцати.

2

— Заходи, — король приветливо улыбнулся, и герцог Окделл невольно улыбнулся в ответ, — как дела?

— Хорошо, — выпалил Дикон, потому что все действительно было хорошо, даже погода. Полуденное солнце заливало королевский кабинет золотом, играя на старинном оружии и начищенных до блеска подсвечниках. Дворец словно бы радовался возвращению законного хозяина.

— Я тоже думаю, что неплохо, — кивнул сюзерен, — а будет еще лучше. Да ты садись, нечего над душой стоять. Ты по-прежнему живешь у Рокслеев?

— Да, — юноша, не чинясь, уселся на вызолоченный стул. — Они наши соседи и вассалы... То есть были нашими вассалами.

— И будут, — твердо сказал Альдо. — Ричард, пока это тайна для всех или почти для всех, но не для тебя. Я верну старые порядки. Не кабитэльские — гальтарские. Золотые Земли вновь станут единой империей. Не будет никаких гайиф, гаунау, фельпов, только Золотая Талигойя от моря до моря. Ну, Повелитель Скал, что скажешь?

Дик был бы и рад что-то сказать, только слова куда-то делись, остались лишь восторг и неистовое желание немедленно броситься в бой. Последний из Раканов слов на ветер не бросает. Он обещал привести их до конца года в Олларию — и привел! Теперь государь обещает возродить Золотую империю — и делает это, а Ричард Окделл встанет рядом. Сюзерен усмехнулся.

— Вижу, согласен, ну и слава истинным богам! Глава Великого Дома должен жить в собственном дворце, а не в гостях у вассала, пусть и верного. Кто захватил дом Окделлов?

Дом Окделлов не захватывал никто. Когда расширяли Триумфальную улицу, корона выкупила и снесла мешавшие здания, среди которых был и особняк с вебрями на фронтоне. Это

было при деде Ричарда герцоге Эдварде; закладывать новый дворец Повелитель Скал не стал, предпочтя вывезти деньги в Надор. Отец пустил золото королевы Алисы на нужды восстания, только его все равно не хватило.

— Не знаешь, что за тварь прибрала к рукам твое гнездо? — Альдо казался удивленным. — Или кого-то покрываешь?

— Ваше величество...

— Я, конечно, твой король, — сюзерен откинулся в кресле и закинул ногу на ногу, — но прежде всего я — твой друг. Пока мы вдвоем, зови меня Альдо, а то я, чего доброго, позабуду собственное имя. Так кто вас ограбил?

— Дед сам продал особняк, — объяснил Ричард, — и его снесли. Когда строили дорогу.

— Понятно, — протянул король, — и теперь у потомка Алана Святого в столице нет собственного угла. Впрочем... Ты почти год жил во дворце Алвы, как он тебе? Нравится?

— Да, — начал Ричард, но договорить не успел.

— Особняк твой. Со всем барахлом. — Сюзерен взял перо и что-то быстро набросал на плотном листе. — Вот дарственная, только мой тебе совет — выгони слуг. От кэналлийцев можно ожидать любой подлости.

Альдо Ракан в очередной раз был прав, слуги Ворона — враги. Особенно Хуан со своими головорезами, хотя бывший работорговец наверняка удрал, бросив и дом, и господина. Наживающиеся на чужих страданиях были и будут трусами, бьющими в спину.

— Что молчишь? — поднял бровь сюзерен. — Язык проглотил?

— Благодарю, ваше вели... Извини, Альдо. Спасибо тебе. Я могу взять к себе сестру?

— Разумеется. — Король почему-то нахмурился, или ему показалось? Показалось... Из-за освещения: только что было солнце, а сейчас набежали облака.

— Айрис — фрейлина ее величества, — напомнил Ричард, — она была с королевой в Багерлее.

— Дикон, — рука Альдо легла на плечо юноши, — я принимаю, ты вырос в Талиге, но теперь ты в Талигойе. Не сомневаюсь, что Катарина Оллар — достойная женщина, но она не

Вера Камша

королева и никогда ею не была. Так же, как ее жирный муженек никогда не был королем.

— Но... — вот теперь Дикон растерялся, — Ты говорил, что олларианство незаконно, значит, Катарина Ариго не жена Фердинанда Оллара.

— Не жена, — медленно произнес король, — и вместе с тем жена. В глазах других. Четыреста лет не отбросишь, будто грязную тряпку, как бы этого ни хотелось. Понадобится года четыре, чтоб вымарать из памяти Олларов, и в десять раз больше, чтоб вернуть Талигойю к истинным богам. Я не могу встать и объявить, что с сегодняшнего дня олларианские браки недействительны, ведь тогда во всей стране не найдется ни одного законнорожденного. Представляешь, какая поднимется неразбериха?

Дик представил и понял, но легче от этого не стало. Перед Создателем Катари свободна, но для людей она прикована к своему проклятому толстяку, уцелевшему из-за выходки Ворона и глупости Робера.

— Катарину Ариго выдали замуж насильно!

— Не сомневаюсь, — кивнул его величество, поигрывая кинжалом, — ни одна девушка по своей воле за Оллара бы не вышла, но это не наше дело. Я жду нового кардинала. Если госпожа Оллар захочет развестись, эсператист ее разведет. Ты мне другое скажи, почему ты поселился с Рокслеями, а не с Робером? Поссорились?

Нет. И да, потому что Иноходец изменился не в лучшую сторону, только Альдо и Робер друзья, а Ричард Окделл не нашник.

— Мы не ссорились, — твердо сказал юноша, — просто... Герцог Эпинэ очень занят. Он дома почти не бывает, и у него живут его южане.

— Неприятные люди, — скривил губу король, — лично я предпочитаю север. Он прямей, благородней, преданней... Робер никогда мне не изменит, но юг думает лишь о себе. Им нет дела до величия страны, справедливости, чести, лишь бы накормить овец и нажраться своего чеснока. Южане по духу не воины, а крестьяне и торговцы. Даже дворянство.

Из глубин

Ричард промолчал, чтоб не показаться подлизой, но в глубине души не мог не согласиться. Пусть Альдо не был великим бойцом, но в людских душах он читал, как сам Дидерих, с первого взгляда понимая, кто чего стоит.

— Смотри, — Альдо отдернул занавеси, — снова солнце. Это наша с тобой судьба, Дикон. Свет, тень и снова свет... Ты согласен?

— Да, — твердо ответил Повелитель Скал.

— Вот этим ты от Робера и отличаешься, — взгляд короля стал грустным. — Эпинэ не верит в хорошее, он идет за мной не побеждать, а умирать. Я его не виню, на беднягу и так свалилось слишком много: Ренкваха, Дарама, смерть деда и матери... Иноходец не в состоянии понять, что мы победили, я уже отчаялся отучить его бояться.

Бояться? Ричард с непониманием уставился на Альдо. С Робером в последнее время было ужасно трудно, но трусом он не был. Кто угодно, только не Эпинэ!

— Альдо... — Святой Алан, как же это объяснить? — Робер — смелый человек. Он ведь Повелитель Молний!

— А я и не говорю, что Иноходец — трус, — сюзерен невесело улыбнулся, — его беда не в том, что он боится умереть, а в том, что боится жить. Эпинэ всю жизнь терял тех, кого любил: отца, братьев, друзей, деда, мать... И чем меньше у него остается близких, тем больше он боится. Не за себя, за уцелевших, то есть за нас с тобой, за Матильду, за своих вонючих южан... Будь его воля, он бы запер нас всех в сундуке, а сам уселся бы сверху. С пистолетом.

Если мне, избави Истинные боги, придется отходить, никто лучше Эпинэ не прикроет спину, но наступать он не умеет и вряд ли научится. Робер — мой арьергард, а мой авангард, Дикон, — это ты. Ты, и никто другой, потому что Придды думают лишь о себе, а перебежчики тем более.

— Ваше величество, — Ричард вскочил, чудом не опрокинув стул, — я уже дал присягу, и я буду верен делу Раканов до смерти.

— Я знаю, — Альдо засмеялся и протянул юноше руку, — садись, мы не на Совете. А теперь, герцог, мне придется тебя огорчить. Ты говорил мне о своей даме. Вы уже виделись?

Вера Камша

— Нет, — вспыхнул Дик, — еще нет... Она нездорова, и я не знаю...

— Зато я знаю, — резко бросил король — Повелитель Скал не может жениться на куртизанке, неважно, замужем она или нет. Можешь думать, что хочешь, но подбирать объедки Валмонов и Савиньяков я тебе не дам.

На куртизанке?! Дик задохнулся от удивления, но потом сообразил: сюзерен говорит о Марианне. О встречах Повелителя Скал с Катари не знает никто, а баронесса и ее расфранченный супруг секретов из чужих визитов не делают. Что ж, тем лучше! Прежде чем рассказать сюзерену о них с Катари, нужно ее подготовить, объяснить, что от Альдо можно ничего не скрывать.

Хорошо, что Айри — фрейлина, в том, что брат добивается встречи с сестрой, нет ничего удивительного. Он и вправду будет рад встрече, герцог Окделл больше не нищий, он может дарить сестре коней, ожерелья, меха...

— Ну, — рука Альдо стиснула плечо Дика, — что замолчал? Злишься? Ничего, потом сам спасибо скажешь.

— Ваше величество, — Ричард с трудом сдержал улыбку, — клянусь, я никогда не женюсь на Марианне Капуль-Гизайль.

— Ну и слава истинным богам. Но нанести красотке визит ты просто обязан, — Альдо от души стукнул Ричарда по спине, — она будет в восторге.

Дик невольно рассмеялся. Марианна будет рада, но он верен Катари и только Катари. Вот Альдо удивится, когда узнает правду! А может, не ждать встречи и сказать прямо сейчас? У Окделла нет и не может быть секретов от короля Ракана. Нет, рано, сюзерен может не понять, сначала он должен узнать Катарину и оценить ее.

3

Дорога на Вальдзее казалась безлюдной. До первого поворота, за которым обнаружились бирюзовые мушкетеры. Бергеры, отпущенные маркграфом в распоряжение тестя. Под походной, лишенной плюмажа шляпой мелькнула знакомая физиономия. Катершванц, только который? Жермон натянул повод и поднял руку, приветствуя огромного полковника.

Из глубин

— Добрый день, сударь, я просто обязан передать вам привет из Агмарена. От родича.

— Я есть очень благодарный, — беловолосый гигант расплылся в улыбке, которая сошла б за волчью, не будь ее обладатель размером с медведя. — В горах есть холодно или имеет быть жарко?

— Когда я уезжал, «гуси» махали крыльями, но не взлетали, — хорошо, что на свете существуют Катершванцы, их присутствие успокаивает, — но я вынужден уточнить, с кем из сыновей барона Зигмунда я беседую.

— Я есть Эрих, — с готовностью признался полковник, — я и находящийся в Гельбе Дитрих есть средние близнецы. Мы меньше Эрхарда и известного вам Герхарда, и мы еще не есть два генерала, а только полковник и еще один полковник. Мы похожи, да. Когда мы с Дитрихом в одном месте, я надеваю на шею большой малиновый платок, а брат-близнец — белый. И все становится совсем просто.

— О, да, очень просто. — Разговор с горцами требует обстоятельности, и Ариго совершенно искренне добавил: — Я рад, что рядом со мной будет сражаться Катершванц из Катерхаус.

— Я тоже есть весьма горд, — не моргнув глазом заверил брат Герхарда, — рядом с нами есть также двое мои юные племянники. Я скоро буду рад представлять их другу моего старшего брата.

— Отлично! — Чем больше бергеров, тем лучше. Эх, вот бы старого Зигмунда сюда со всем потомством и потомством потомства... — Эрих, вы давно здесь?

— С конца ночи, которая закончилась. Мы есть личный эскорт герцога Ноймаринен, который находится в резиденции графа фок Варзов, который сейчас есть отсутствующий и исполняющий свои обязанности в Хексберг, которая имеет подвергнуться нападению большого количества «гусиных» кораблей с моря и «гусиных» человек со стороны суши.

Говори Катершванц по-бергерски, он бы уложился в четыре слова. Другое дело, что каждое бы состояло из шестнадцати талигойских. Некогда Жермон чудом не упал в обморок, услышав

Вера Камша

в ответ на свое приветствие словечко длиной в Рассанну; теперь привык.

— Йоган и Норберт были со мной в Лаик, — обрадовал Арно, когда они отъехали. — Мы очень дружили... Мой генерал, дриксы не должны взять Хексберг!

— Они и не возьмут, — отрезал Жермон. — Хексберг никто еще не брал.

Агмарен тоже никто не брал, но все когда-то бывает впервые. Взяли же Барсовы Врата, а Олларию не повезло дважды... Правда, первый раз столица звалась Кабитэлой.

4

Сюзерен был не один. У стола торчал Ричард, и вид у мальчишки был, мягко говоря, блаженный. Наверняка Альдо накормил сына Эгмонта очередными великими замыслами, а тот проглотил и не поморщился. Проклятье, вместо того чтоб думать, как выбраться из западни, сохранив голову на плечах, сюзерен ловит в пруду луну, а Дикон держит ведро.

— Я тебе нужен? — улыбнулся Робер, устраиваясь в свободном кресле. Раньше он не думал, как садиться и что говорить.

— Ты мне всегда нужен, — заверил король на час. — Ричард, отправляйся домой. Смотри, устраивайся хорошенько, мы к тебе в гости придем. Примешь?

— Альдо, — расцвел Дикон, — я...

— Идите, герцог, — махнул рукой Альдо, — и не забудьте взять с собой солдат, мало ли...

— Куда ты его? — любопытствовал Робер, разглядывая невыгоревшее пятно на обитой серо-голубым шелком стене. Альдо Ракан успешно избежал от портрета Франциска Оллара, великая победа, ничего не скажешь!

— Отдал ему особняк Алвы, — сообщил сюзерен, — заслужил.

— Алвы?! — Роберу в который раз за последние месяцы показалось, что он ослышался. — Ты с ума сошел?

— Ну что ты взъелся? — не понял сюзерен. — Хватит герцогу спать у графов!

Из глубин

— А ты подумал, каково жить в доме, где каждая тряпка напоминает о предательстве?

— Какое предательство? — не понял его величество. — Долг эориев — служить анаксам, и никому больше.

— А долг оруженосца — служить эру, — опять этот разговор глухого с глухим, сколько можно и, главное, зачем? — На этом стояло талигойское рыцарство. Если ты собрался возвращать старые порядки, не превращай преступление в подвиг.

— Ерунда, — отмахнулся Альдо, — я могу освободить своего вассала от любой клятвы.

— Можешь, — вздохнул Эпинэ, — но от совести не освободит даже сюзерен. Дикон по уши обязан Ворону.

— А ты? — перебил Альдо.

— Что я?

— Ричард по уши обязан герцогу Алва, а ты? Уж не должок ли ты возвращал, когда у тебя на глазах располовинили беднягу Люра, а ты и пальцем не пошевелил?

— Это правда, — медленно произнес Робер Эпинэ, — я обязан Алве жизнью, но тогда я об этом забыл.

— Забыл так забыл. В любом случае вы теперь квиты.

Ой ли? Алва выпустил Повелителя Молний из ловушки, в которую его заманили Лис и собственная глупость, а Ворона никто не ловил. Он явился сам, вот только зачем?!

— Альдо, почему меня не пускают в Багерлее?

— Потому что тебе там нечего делать, — отрезал сюзерен. — В Багерлее собралось не то общество, которое тебе нужно. После коронации решим, куда их девать.

— Ваше величество, — зря он затеял этот разговор, ничего, кроме ссоры, из него не вырастет, — каковы будут ваши распоряжения?

— Успокойся, — хмыкнул Альдо, поправляя новое кольцо со Зверем, — на твой век войн хватит, а еще раз обзовешь наедине величеством — придушу.

— Войны пока ждут. — Не величество так не величество, и на том спасибо. — Нам бы бунта не допустить. Карваль делает, что может, но он всего лишь генерал. Один из многих.

Вера Камша

Если тебе нужно, чтоб в городе был порядок, назначь его комендантом.

— Ричард от твоих чесночников не в восторге, да и я тоже.

— А горожане не в восторге от твоих мародеров. Альдо, нужно что-то делать, пока нас окончательно не возненавидели.

— Ты нашел деньги? — осведомился его величество. — Тогда одолжи.

— Откуда? — невольно хмыкнул Иноходец. — У меня золотых приисков нет.

— И у меня тоже, — сюзерен поднял какие-то бумаги, потряс ими в воздухе и бросил на стол. — Пока мы не можем платить, приходится брать.

— «Брать»? — переспросил Иноходец. — Ты называешь это «брать»?

— Назвать можно как угодно, — отмахнулся Альдо. — Мне нужны солдаты, а солдатам надо платить. Если б не твое чистоплюйство, деньги бы у нас были, а так — терпи.

— Деньги бы были, а честь вряд ли. Король должен держать слово.

— Я и держу, — огрызнулся Альдо, — но ты-то никакого слова никому не давал. Тебе в руки попался убийца отца и братьев. Кто тебе мешал его прикончить? Я б тебя громко отругал, а тихо поздравил, зато мы бы избавились от Ворона. Навсегда... Ладно, что не сделано, то не сделано. Садись, пиши.

— Что писать?

— Рескрипт о назначении барона Айнсмеллера гражданским комендантом, а твоего Карваля — военным. Под твою ответственность. Пусть гоняет мародеров, но за каждого убитого солдата будут вешать четверых горожан. Найдут виновных — хорошо, не найдут, сгодятся первые попавшиеся. К коронации в Оллари, тьфу ты, в Кабитэле, должно быть тихо.

Спорить бесполезно. Отказаться? Город отдадут Айнсмеллеру, которому самое место на эшафоте. Герцог Эпинэ со присными останется чист, только вот убитым и ограбленным от этого легче не станет.

Первый маршал великой Талигойи пододвинул кресло к столу и взял золоченое агарийское перо.

— Диктуй, я готов.

ГЛАВА 3

ТАЛИГ. ВАЛЬДЗЕЕ

399 год К.С. 12-й день Осенних Волн

1

На Гербовой башне реял регентский штандарт, а рядом, знаменуя отсутствие хозяина, торчал пустой флагшток. Когда Вольфганг фок Варзов заезжал домой в последний раз? Скорее всего, весной, в годовщину смерти жены. Принес в склеп незабудки и свежие кленовые ветви, подождал, пока сгорят четыре свечи, и вернулся к армии. Другой семьи у старика не осталось, да она ему и не нужна.

— Вас ждут. — Седой капрал-ветеран принял лошадей. Арно лихо откозырял Жермону и смешался с немногочисленными регентскими адъютантами. К ногам графа Ариго упал бурый дубовый лист: Вальдзее славилась дубравами, это в Гайярэ росли каштаны и буки.

— Мой генерал, пожалуйста, сюда. — Дежурный порученец, сияя глазами, повел генерала в кабинет фок Варзов. Жермон мог ходить по резиденции Вольфганга с закрытыми глазами, но зачем огорчать мальчишку?

Знакомая дверь с взметнувшейся на гребне волны косаткой, легкий скрип, запах яблок, в Вальдзее всегда пахнет яблоками, даже зимой...

Вера Камша

— Мой маршал, к вам генерал Ариго.

Рудольф Ноймаринен в черно-белом мундире стоял у окна, за столом сидело еще двое. С графом Гогенлоэ-цур-Адлербергом Жермон был знаком, второй, темноглазый вельможа в годах, слишком походил на Арлетту Савиньяк, чтобы быть кем-нибудь, кроме ее брата-экстерриора.

— Садись, — регент махнул рукой и двинулся от окна к печи. — Гектор, это генерал Ариго. Жермон, перед тобой экстерриор Рафиано. Он настаивает на слове «бывший», но мы с ним не согласны.

Ариго пожал плечами — дескать, регенту видней, и уселся напротив Гогенлоэ. Герцог добрел до печки и обернулся, усталый взгляд не предвещал ничего хорошего, только кому?

— Альмейда возвращается, — бросил Ноймаринен рогатому подсвечнику. — И Вейзель с ним: Алва завернул эскадру, а заодно и Курта к нам отослал.

— Кэналлийский Ворон прав, — с чувством произнес бывший геренций. — Хоть что-то хорошее.

«Что-то» — мягко сказано! «Гуси» полагают Хексберг не то чтобы беззащитной, но уязвимой. То, что Талиг может не только кусаться на юге, но и брыкаться на севере, их не обрадует. Если б не заваруха в Олларии, кесарии пришлось бы весело, но Рудольф начинает с пряников только когда дело плохо.

— Ну вот, — ухмыльнулся регент, — я вас и порадовал, а теперь к делу. Да будет вам известно, что Бруно вышел к границе, и армия у него хорошая. Я бы даже сказал, слишком.

К тем тридцати тысячам, что у старого быка уже имелись, прибавилось шесть кавалерийских полков и не менее пяти вновь набранных полков пехоты. Набирали из ветеранов, по сути — просто собрали тех, кого распустили после гельбского провала, и, говорят, набирают еще. Самое малое вдвое увеличили и артиллерию. Когда фельдмаршал перейдет границу, у него будет не меньше пятидесяти тысяч.

— Простите мне мою неосведомленность, — шевельнул холеными пальцами Рафиано, — но какими силами располагаете вы?

— *Мы*, — поправил Гогенлоэ. — Надеюсь, вы не собираетесь вспоминать, что ваши предки владели суверенным герцогством?

— Я этого не забывал, — тонко улыбнулся экстерриор. — Кстати, вы слышали притчу о некоей богатой девице? Она предпочла вручить свою невинность и сундуки соседу с большим мечом, полагая, что в противном случае у нее не останется ни сундуков, ни невинности.

— Девица была мудра, — оценил намек регент, — обменять свою слабость на чужой меч не каждый сможет. Что до мечей, то в Гельбе тридцать тысяч, а обороняться легче, чем наступать, благо Придда изобилует водными преградами и крепостями.

— Вы упомянули Альмейду, но не маркграфа, — заметил Рафиано сварливым голосом, — значит, пятьдесят тысяч «гусей» в Придде — еще не всё.

— Вы правы, — регент неспешно открыл печную дверцу, взял кочергу и пошевелил угли. — Я буду не я, если «гуси» забудут про перевалы, так что бергерам дело сыщется. Тем не менее Вольфганг отдал нам агмаренских стрелков, а старик Катершванц пожертвовал Талигу половину своих родственников.

Пятьдесят тысяч против тридцати в обороне под зиму не так уж и страшно. Если только за спиной все в порядке.

— Как обстоят дела с припасами, — поинтересовался экстерриор, — и с дорогами? Рафиано в состоянии кое-чем поделиться, но это кое-что должно достаться фок Варзов, а не мятежникам.

— Альмейда займется морем, и оно будет чистым, — Рудольф с видимым трудом разогнулся. — Кэналлийский тракт, само собой, тоже свободен, но мы не должны тянуть соки из юга.

— Что ж, — наклонил голову, словно с чем-то соглашаясь, Рафиано, — будем ждать Альмейду и думать, кто обглодал фламинго. Поверьте небывшему экстерриору, «гуси» и «павлины» поражены не меньше нашего.

Рудольф вопросительно поднял брови, однако ничего сказать не успел, на пороге возник Ойген Райнштайнер собственной персоной. Бергер сдержанно поклонился, он был таким же, как всегда. Бледным, невозмутимым и деловитым.

— Господин регент, господа, королевский кортеж прибыл.

Вера Камша

— Хорошо. — Ноймаринен сунул кочергу в железную корзину и прошествовал к окну. — Манрик не удивился вашему появлению?

— Граф Манрик не счел возможным уведомить меня о своих чувствах, — объявил барон, и Жермон едва не расхохотался. Воистину в этом мире есть кое-что надежней гор и серьезней Книги Ожидания.

2

— Господа, — регент Талига усмехнулся, — ставлю вас в известность, что в шестой день Осенних Волн полковник Райнштайнер перехватил кортеж бывшего кансильера и бывшего же обер-прокурора. Господа, предусмотрительно прихватив казну, кардинала и наших с Ариго племянников, направлялись через Придду в Ардору. Барон убедил их свернуть в Вальдзее.

— Жаль, барон предъявил свои доводы в Придде, а не в Оллари, — свел брови Рафиано. — Господа, вы не представляете, как нам его не хватало.

— Курьеры и армии не летают. — Ноймаринен задержался у стола, поглаживая шрам на левом запястье. — Будем утешаться тем, что у Бруно крыльев тоже не имеется.

— Простите, — наклонил голову дипломат, — я забылся. Мне и впрямь пора в отставку.

Отчего ж сразу в отставку? Экстерриоры тоже люди, они злятся, ненавидят, негодуют, сожалеют точно так же, как регенты и генералы.

Что сделает Рудольф с зарвавшимися дураками? Повесит, расстреляет, где-нибудь запрет? Жермон бы расстрелял. Перед строем.

— Ваше высокопреосвященство, прошу вас, — Ойген Райнштайнер распахнул дверь, и в кабинет вошли четверо, вернее, трое и один. Еще не старый русоволосый олларианец испуганно оглядывался на лысоватого господина в зеленом, памятного Жермону еще по Оллари. Леопольд Манрик был на два года старше Рудольфа, однако ровесниками они не казались никогда. Двадцать лет назад Первый маршал Талига выглядел моложе старообразного тессория; теперь Рудольф изрядно

сдал, а Манрик остался прежним — рыжим, наглым и настороженным, как кот в поварне.

Никого из спутников пойманного Райнштайнером проныры Ариго в лицо не знал, но холеный красавец с герцогской цепью наверняка был Колиньяром, а клирик — новым кардиналом. Третий, худой и светловолосый, с лошадиной физиономией и легонькой шпагой, мог оказаться кем угодно.

— Ваше высокопреосвященство утомлены, — герцог Ноймаринен даже медленней, чем обычно, пересек комнату и наклонился к руке кардинала, не замечая остальных. В торских сказках горные хозяева взглядом превращают смертных в камень, Рудольф пошел дальше: он превратил гостей в пустое место.

Кардинал вздрогнул и затравленно покосился на поджимающего губы Манрика. Колиньяр уставился на бронзовый кэналлийский подсвечник, лошадинолицый чуть заметно улыбнулся. Молодец, хоть и не военный.

— Увы, ваше высокопреосвященство, — с нажимом произнес регент, глядя в растерянное, незначительное лицо, — здешние дороги по силам лишь бывалым путешественникам.

— Да, — начал кардинал и запнулся, — да, сын мой...

— Дела мирские не стоят вашего внимания. — «Сын» старше духовного отца лет на тридцать и выше на голову, но дело не в росте и не в возрасте. Новый кардинал не духовный владыка, а кукла: кто ухватил, тот и играет.

— Благодарю вас, монсеньор, — бормочет черный болванчик новому хозяину, — будьте терпеливы, ожидая Его, и будете спасены.

— *Чту слово Его, ожидаю возвращения Его и уповаю на прощение Его.* — Благодетельные слова в устах Рудольфа кажутся украшающими пушечный ствол речениями. Может, Создатель и вернется, может, даже простит незлобствующим, но герцог Ноймаринен себе не простит, если пустит «гусей» в Маргону. И фок Варзов не простит, и Жермон Ариго, и мальш Арно...

— *Да возрадуются благодетельные души возвращению Его в землях ли Талигойских, в Садах ли Рассветных.*

Вера Камша

Его высокопреосвященство переминается с ноги на ногу, Манрик вскидывает голову, как бракованный жеребец, Колинъяр переглядывается с подсвечником, Ойген Райнштайнер смотрит на всех и ни на кого.

— Я прошу ваше высокопреосвященство о беседе наедине и о благословении, — мягко произносит регент. Бергер с невозмутимым видом распахивает двери, и кардинал, придерживая полы запыленного черного одеяния, исчезает за порогом вместе с герцогом.

3

— Прошу садиться, — вежливо произнес Ойген, придвигаясь к Манрику. То ли без задней мысли, то ли наоборот.

Бывший кансилльер шумно втянул воздух, но все же опустился в кресло рядом с Рафиано, Колинъяр устроился напротив, а слева от Жермона оказался обладатель лошадиной физиономии.

— Разрешите представиться, — физиономия изысканно качнулась, — граф Креденьи, в недавнем кратком и неудачном прошлом — тессорий.

Креденьи... их земли лежат в Приморской Эпинэ, а встретиться выпало в Торке.

— Ариго, — назвалса Жермон и в приступе вежливости добавил: — Я слышал о вас. Вы ведь были интендантом Северной армии?

— Давно, — вздохнул сосед, — но я всегда вспоминал север с любовью и мечтал вернуться. Кто же мог предположить, что это произойдет при столь плачевных обстоятельствах.

— «Наши желания суть листья гонимые», — явно процитировал кого-то Рафиано. — Господа, вы не находите, что в этом году удивительно теплая осень?

— О да, — согласился с дипломатом Колинъяр. Манрик промолчал. Ойген перешел к печи, достал из стоявшей на треножнике корзины еловую шишку, распахнул дверцу, бросил в огонь. Взлетели рыжие искры, и, словно в ответ, замерцала одна из свечей.